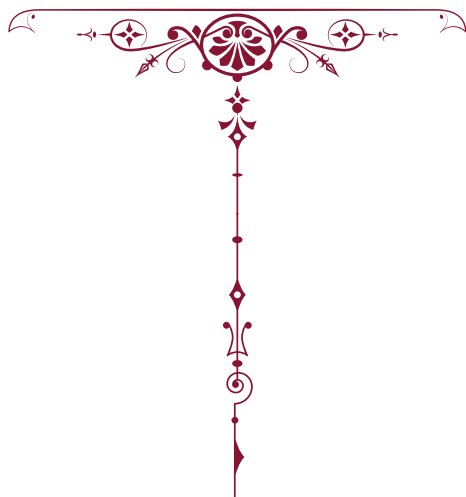

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

история Дома Вигеля
продолжается

Воронеж
2022

УДК 72.035(470.324):(61/09)
ББК 85.113(2Рос.2Вор)+5г
В61

Во имя жизни: история Дома Вигеля продолжается / И. П. Мошуров, Д. С. Дьяков, А. Ю. Холденко ; ред.-сост. Т. А. Дьякова. – Воронеж, 2022. – 120 с.
ISBN

В книге представлена легендарная история дома Тулиновых (Вигеля) – одного из самых ценных светских зданий Воронежа XVIII века. За свою длинную жизнь оно не раз меняло назначение, но всегда оставалось в эпицентре культуры города. Теперь, после грандиозной реставрации и капитального ремонта, в доме располагается поликлиника Воронежского онкодиспансера, что символично. Усилия по сохранению здания были необходимы ради продолжения жизни людей.

УДК 72.035(470.324):(61/09)
ББК 85.113(2Рос.2Вор)+5г

ISBN

© Мошуров И. П., Дьяков Д. С., Холденко А. Ю. Текст, 2022
© Дьякова Т. А., 2022, составление
©

Уважаемые друзья!

Дом Вигеля – один из наиболее ценных для воронежцев памятников архитектуры. Он всегда значил для нас намного больше, чем объект старины. Судьба его богата на крутые повороты – от барского особняка до роддома, от чудесного спасения во время Великой Отечественной войны до угрозы полного разрушения в наше время.

Потерять здание, ставшее легендой, было бы непростительной ошибкой. Это понимали и жители города, и органы власти региона. Поэтому мы приняли общее решение о восстановлении Дома Вигеля.

И в жизни уникального строения на улице Вайцеховского произошел еще один поворот – теперь уже, я уверен, счастливый. Здание не только вернуло себе былую красоту, но и будет выполнять важнейшую социальную функцию. Высококласные специалисты, которые здесь работают, и самое передовое оборудование станут задавать тренд преобразований в онкослужбе Воронежской области.

Спасибо всем, кто инициативами, поддержкой, делом участвовал в реконструкции Дома Вигеля.

Хочется, чтобы его обновленные старинные стены помогали исцелять наших земляков.

*Александр Викторович Гусев,
губернатор Воронежской области*

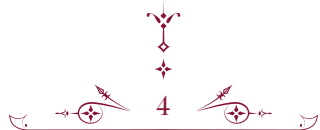

Дорогие друзья!

Книга, которую вы держите в своих руках, – о поликлинике, являющейся важным звеном в профилактике и лечении онкобольных в Воронежской области, и о здании, где уже развёрнут её новый корпус. Поликлиническое отделение онкодиспансера – это первая инстанция, к которой обращаются пациенты. Очень важно, чтобы условия оказания медицинской помощи были комфортными, а оснащение корпуса отвечало всем современным требованиям, которым до последнего времени было крайне сложно соответствовать. Открытие новой поликлиники «Воронежского областного клинического онкологического диспансера» позволило существенно повысить качество медицинской помощи онкобольным, поднять на новую ступень работу онкологической службы в нашей Воронежской области.

Зарождение этой службы связано с возникновением в стране специализированных противораковых комиссий, одна из которых была создана в административном центре Воронежской губернии в 1924 году. В январе 1930 года в Воронеже был открыт межобластной радиорентгенологический и онкологический научно-исследовательский институт. Приоритетными направлениями онкологической службы на протяжении всей истории учреждения являются предупреждение и ранняя диагностика злокачественных новообразований. На сегодняшний день БУЗ ВО «ВОКОД» остается единственным специализированным учреждением Воронежской области и основным звеном в системе противораковой борьбы, обеспечения квалифицированной, специализированной стационарной и поликлинической медицинской помощи населению, осуществляет организационно-методическое руководство и координирование онкологической службы в области.

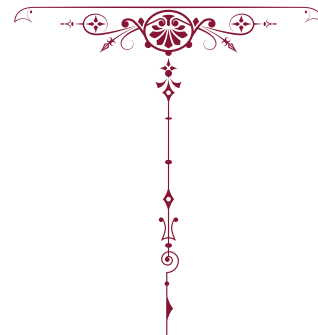
И вот почти через сто лет от начала работы онкослужбы в регионе в здании, имеющем для нашего города огромное историко-куль-

турное значение, открыт новый корпус поликлиники. Особняк, построенный в стиле ампира купцами Тулиновыми в середине XVIII века, потом перешёл во владение Ф. Н. Вигеля. Затем в XX столетии в стенах дома размещались различные административные и социальные службы. Многим воронежцам это здание памятно как роддом № 4, который располагался здесь до конца 1980-х годов.

Несколько десятилетий дом не мог обрести хозяина и на глазах разрушался. Онкодиспансер взял на себя ответственность вернуть архитектурному памятнику первоначальный вид, наполнив его пространство значимой и долгожданной работой поликлинических врачей, готовых сделать все для того, чтобы пациенты обязательно восстановили свое здоровье и силы, вновь ощутили радость жизни! Особая аура легендарного дома, надеюсь, будет помогать медикам выполнять эту работу на высоком профессиональном уровне, а больным – внушать веру в благополучное исцеление.

*Иван Петрович Мошуров,
главный врач БУЗ ВО «ВОКОД»,
главный внештатный специалист-онколог
департамента здравоохранения Воронежской области,
заслуженный врач Российской Федерации,
доктор медицинских наук, врач высшей категории*

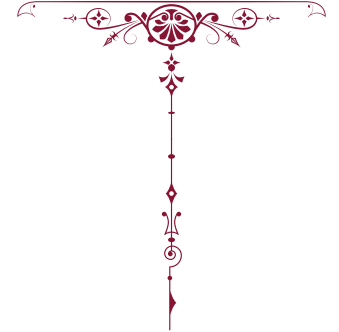
Толоса Прошлого

Обзор историй и преданий об одном воронежском архитектурном чуде и его обитателях

Мы живем внутри истории. И оттого что редко об этом вспоминаем, ничего не меняется. Потому что живем мы в мире, который построен людьми, жившими до нас. Мы пользуемся открытиями, сделанные учеными много лет назад, читаем книги, написанные авторами из прошлого, совершаем поступки, в чем-то подражая жившим до нас людям, а в чем-то яростно противореча... И в этом нет ничего необычного, потому что мы – их наследники. Пусть не по праву крови, но по праву участников единого потока истории, в котором мы – представители одного народа, жители одного города...

Знаменитый вот уже более двух веков воронежский Дом Вигеля – то самое место, где особенно отчетливо чувствуешь эту связь с прошлым.

О том, свидетелями каких драм были стены этого старинного особняка, рассказывали многие мемуаристы и современники, сходясь во мнении, что пышное убранство его фасадов – лишь внешняя сторона великолепия. Гораздо интереснее, что по судьбе именно этого дома, как ни по какой другой истории воронежских зданий, можно проследить основные вехи в жизни нашего города: расцвет и закат дворянской культуры, жизнь и дела земства, благотворительное движение, три революции и наконец зарождение целых поколений воронежцев в находившемся здесь роддоме.

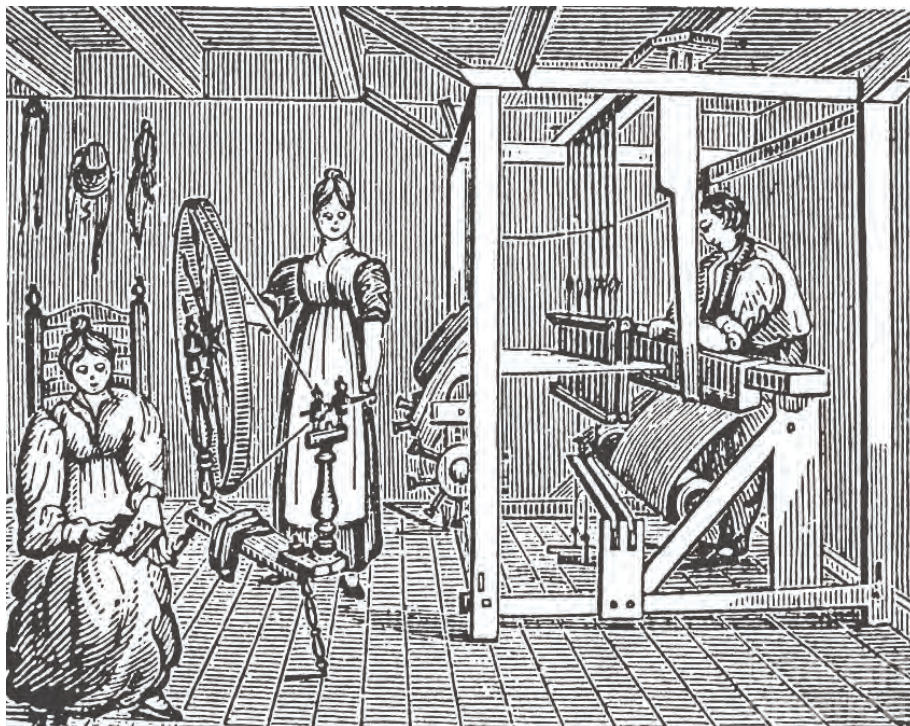
Авторитетный исследователь воронежской древности Павел Александрович Попов, более чем кто бы то ни был проникший в тайны Дома Вигеля, считает, что история этого дома «преподносит мудрые и порой жестокие уроки прошлых человеческих жизней». С подачи этого автора появились и вмиг разлетелись по Воронежу загадочные истории о тайнах Дома Вигеля, которые сегодня так любят пересказывать воронежские экскурсоводы и краеведы-любители, забывая порой, что тайны прошлого нельзя арендовать на время. Они согласны только на вечность. Иначе запахи ускользают, тени прячутся, зеркала мрачнеют...

В этом кратком обзоре собраны самые яркие страницы различных текстов о загадочном Доме Вигеля, увидевших свет за два прошедших века – то есть за всё время существования здания.

А началась его история с того, что почти триста лет назад на этом городском участке появилась частная суконная мануфактура. Возникла она в результате раздела некогда мощной Тавровской казенной суконной мануфактуры между предприимчивыми воронежскими людьми. Один из них – некий выходец из Тулы по имени Максим Сергеевич (1682 – после 1763) – в 1729 году стал единоличным владельцем этой мануфактуры.

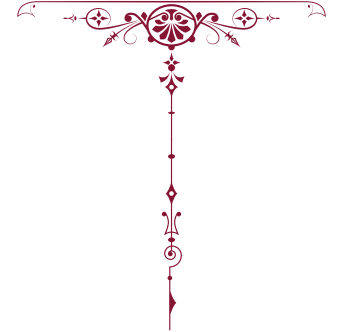
Кто был этот человек? Известно немного. Когда-то он принадлежал к казенным мастеровым, то есть к тем государственным крестьянам, которые отбывали повинность не в поле за сохой, а на мануфактуре за станком. Следовательно, начинал свою феерическую карьеру практически с нуля. «У Максима не было даже собственной фамилии, и по первоначальному месту жительства его называли то Тулениновым, то Тулиновым. Последняя форма в конце концов закрепилась навсегда, – читаем в книге Александра Николаевича Акиньшина и Олега Григорьевича Ласунского “Воронежское дворянство в лицах и судьбах”. – За свое рабочее умение Максим Сергеевич был отмечен изрядно: его освободили от крепостной зависимости, и стал он вольным посадским человеком; теперь можно заводить свое дело.

На суконной фабрике. Гравюра XVIII века

С 1729 года он владел в Воронеже большой сукновальней (там работали около полутора сотен мужиков и баб), позднее выстроил рядом жилой дом. Все это находилось в предместье вблизи Петропавловской церкви, в районе Попова рынка. Дела шли в гору. Интендантство заказывало сукна больше и больше: шло оно на мундиры и шинели. Солдатики в шинелях, пошитых из тулиновского товара, не мерзли в самые суровые морозы: воронежская фирма высоко держала торговую марку. На фабрике стояло современное по той поре оборудование – чесальные, щипальные и прядильные машины. Красильня находилась на берегу реки. До середины XVIII века производство обслуживали лишь казенные мастеровые, впоследствии все чаще стал использоваться наемный труд.

Своему единственному наследнику Максим Сергеевич передал солидную недвижимость и наличные деньжата, которые тоже можно пустить в оборот. Василий Максимович (1708 – после 1767) отцовский завет – копейка рубль бережет – свято соблюдал. Появилась еще одна тулиновская фабрика – в придаченской слободе. Приглянулись Василию Максимовичу имения под Воронежем – приобретает и их со всеми землями вокруг. Недворянам этого не разрешалось – хитрит, изворачивается, оформляет купчую на подставных лиц.

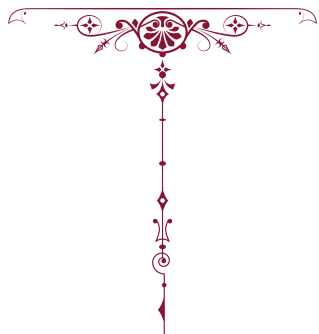
А уж городской дом у суконщиков просто загляденье! По нему и сама улица стала именоваться Тулиновской (теперь ул. Вайцеховского)»...

Историю этого строения подробно проследил уже упоминавшийся П. А. Попов в своей книге «Здравствуй, старый дом!»:

«На плане 1750 года обозначен и показан в глубине усадьбы, с отступом от линии улицы “дом купца Василия Тулинина” (фамилия еще допускала разночтения). Дом обступали деревянные “службы”, соединенные в планировочный прямоугольник. Фабрика Тулиновых первоначально находилась не возле дома, а на реке, вплотную к Акатову монастырю. Но, судя по плану 1768 года, к этому времени Тулиновы разместили основное производство бок о бок с домом, выше особняка, а к началу 1770-х годов они построили капитальный, кирпичный суконный цех ниже дома.

На плане 1768 года дом выглядит несколько длиннее, чем в 1750 году. На плане 1773 года видим дополнительно пристроенную входную часть (возможно, с балконом) с речной стороны. Значит, примерно в 1760–1770-е годы, в Екатерининскую эпоху, дом реконструировали. Такое наблюдение подтверждается натурным обследованием памятника. Прослеживается достройка дома с южной стороны. К тому же времени относится кладка мезонина, где углы оконных проемов первоначально обрабатывали в виде „голубцов“ (с углублениями для удержания штукатурки). И тогда же сложилась композиция главного фасада, доньяне радующая глаз: центральный портик и боковые выделенные вертикали.

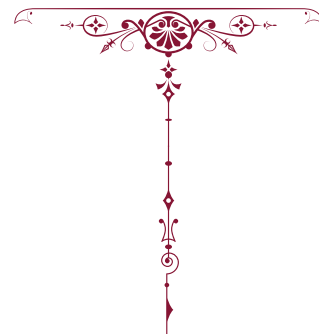
В 1799 году габариты дома не изменяются, но на следующем плане, начерченном Тимофеем Калкуновым на рубеже XVIII и XIX веков (точной даты нет), особняк превращается из прямоугольного в П-образный. Становится ясно, что новый хозяин из Тулиновых добавляет со стороны заднего двора два боковых выступа-крыла (два ризалита), дабы устроить в них дополнительные внутренние лестницы.

В это время в русской архитектуре классицизм побеждал барокко, а провинциальные творцы ни на йоту не отходили от моды (ну почему бы им не оформить ризалиты в гармонии с хорошими старыми барочными чертами дома?).

Тогда же господа обеспокоились укреплением всего дома: местами вмуровали песчаниковые камни в старый фундамент, еще раз обложили кирпичами заднюю стену – видно, более всего боялись ее оползания. Одновременно ликвидировали прежний задний входной выступ, а к главному фасаду, наоборот, пристроили парадную архитектурную группу с балконом. Таким образом, господский дом окончательно развернулся лицом к городу, оставив позади себя хозяйственную суету и грязь, но... обрел добротную тыльную архитектуру. Примерную дату всех достроек можно обозначить как годы с 1799-го по начало 1800-х».

Примечательно, что до наших дней дошел некий полицейский рапорт, в котором здание поставлено на третье место «по красоте и величии» во всем районе – вслед за дворцом губернаторской семьи Потаповых и домом губернского предводителя дворянства Д. В. Черткова.

Есть любопытная версия, которая появилась на свет уже в наши дни с подачи инициатора возрождения Дома Вигеля – главврача окнодиспансера Ивана Петровича Мошурова. Некоторое время назад он был в бывшем Царском Селе под Санкт-Петербургом, где, как известно, в XVIII веке находилась летняя резиденция российских монархов. Так вот, в знаменитом Екатерининском дворце Иван Петрович разглядел архитектурные приемы, использованные и в воро-

нежском Доме Вигеля. Автором Екатерининского дворца был знаменитый Франческо Растрелли, который никогда в Воронеж не приезжал. Но, предположил доктор И. П. Мошуров, возможно, кто-то из его учеников получил заказ на то, чтобы в главном городе Черноземья повторить один из знаменитых дворцов пригорода Санкт-Петербурга.

И почему бы этой красивой легенде не иметь под собой реальные основания, ведь у Дома Вигеля, в момент его строительства, было несколько архитекторов, привнесивших в облик здания свою лепту. В конце концов, проектировал же в те же самые времена в Воронеже здания великий Джакомо Кваренги!

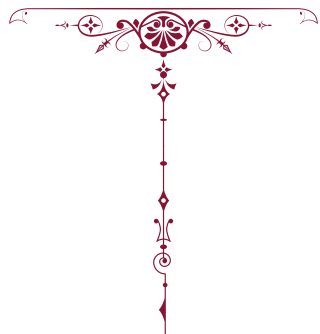
Не менее занимательны истории о том, как жили люди, обитавшие в этом великолепии. А жизнь их меж тем была наполнена смыслом и предназначением.

В царствование Екатерины II Тулиновы вполне благоденствовали: «суконные фабриканты почитались тогда за купеческую верхушку и имели весьма существенные привилегии, – сообщают авторы книги “Воронежское дворянство в лицах и судьбах”. – В их домовладениях, например, не полагалось постоев, они не несли никаких повинностей, кроме подушного платежа, не поставляли рекрутов. Они были даже неподвластны местному суду: ежели совершали неблаговидный поступок, с ними разбиралась непосредственно Мануфактур-коллегия. Вот какую силу имело в глазах правительства сукно, продукция стратегического назначения!..

Тулиновы имели одно немаловажное преимущество перед другими воронежскими толстосумами: накопленное состояние долго не дробилось между членами семьи – потому и отдача была от него большая. Раздел произошел только однажды, в 1799 году, когда дядя и племянник решили фабриканствовать врозь».

Дядя и племянник – это Василий Васильевич Тулинов (ок. 1738 – 1813) и сын его рано умершего брата Иван Иванович Тулинов (1754 – между 1831 и 1838). Когда они поделили имущество, то главный фамильный особняк остался у дяди. Вот что известно о нем.

В молодые годы Иван Иванович служил в гвардии, получил чин капитана и даже рекомендательное письмо от влиятельного чиновника военного ведомства страны генерала Петра Ивановича Мелиссино (того самого, кто позировал французскому скульптору Э. Фальконе для Медного всадника в образе Петра Великого): «Известно и ведомо да будет каждому, что мы Ивана Тулинова, который нам в лейб-гвардии сержантом служил, для его оказанной к службе нашей ревности и прилежности в наши от армии капитаны тысяща семьсот девяносто второго года генваря первого дня всемилостивейше пожаловали и учредили: яко же мы сим жалуем и учреждаем, повелеваем всем нашим – помянутого Ивана Тулинова за нашего от армии капитана надлежащим образом признавать и почитать».

На основании этой рекомендации, а также «Жалованной грамоты дворянству», подписанной в 1785 году Екатериной II, в 1796 году Ивана Ивановича Тулинова вместе с женой и чадами по выслуге офицерских чинов внесли в первую часть дворянской родословной книги, взыскав при этом за свидетельство аж 150 рублей.

Впрочем радости была мало: эта часть родословной книги не считалась престижной, посему Иван Иванович решил добиться желаемого результата иным путем. Вот как эту историю рассказывает П. А. Попов в книге «Здравствуй, старый дом!»:

«Выйдя в отставку, капитан жительствовавал с семьей то в воронежском доме, который в 1796 году обслуживали 35 дворовых мужчин и 32 женщины, то в своей усадьбе “в деревне Заболотной, Рамонь тож”. Это он обустроивал знаменитое имение в Рамони, которое позже перешло к принцам Ольденбургским!

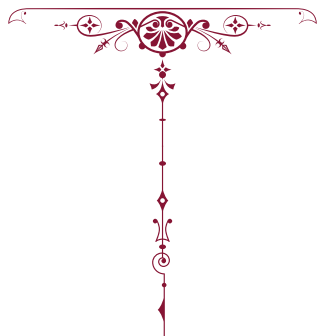
И. И. Тулинов назван в полицейском рапорте 1790-х годов среди владельцев лучших домов, причем указан как купец, а не дворянин. <...> В документах Воронежского наместнического правления за 1789 год встречаем сведения об “именитом гражданине” Иване Ивановиче Тулинове, который заявил о своем желании сделать поставку соли в нашу губернию. Он представил в залог три суконные фабрики: в городе, в пригородной слободе Придаче и на реке Хаве, а

Дворянский герб Тулиновых

также фабричных рабочих – 194 крепостные души. Впоследствии он наращивал и имения, и доходы с них. В начале XIX века производство И. И. Тулинова стало наикрупнейшим в Воронеже и насчитывало свыше тысячи рабочих...

Почти одновременно с этим Иван Иванович принялся писать новые бумаги о своем дворянском достоинстве, дабы быть занесенным в гербовник. Обладателю увеличенного владения потребовался более высокий общественный статус! В 1801 году он составил прошение, в котором его предки оказывались уже не крестьянами, а... “людьми, служившими дворянские службы” по Москве, Воронежу и Старому Осколу. Прапрадедом указал не Сергея, а старооскольского Мелентия, за государеву службу жалованного поместным окладом. Невероятно: в 1802 году его указанное дворянское происхождение “по долгу присяги” удостоверили виднейшие воронежские дворяне: Алексей Хрущов, Дмитрий и Николай Чертковы, Филипп Ярцов, Никифор Марин. «Как Тулинов уговорил их,

вовсе не свидетелей, поставить подписи под странным коллективным “свидетельством”?», – вопрошает из нашего дня П. А. Попов, предлагая современному читателю самому сделать вывод о том, «насколько было верно “старинное воспитание”».

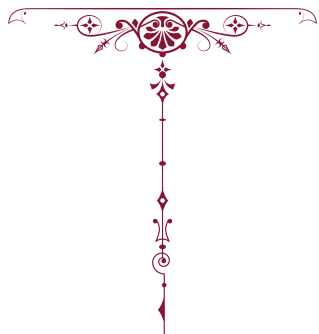
«Кстати, не подумайте, будто этот пахивающий уголовщиной эпизод был уникальным. Ничего подобного! – сообщают в “Воронежском дворянстве...” А. Н. Акиньшин и О. Г. Ласунский. – Провинциальные купчики, а то и вовсе выскочки-мещане нередко пользовались своей туго набитой мошной, покупая дворянскую честь за соответствующую мзду. Об этом, между прочим, можно прочесть и в нраво-описательном романе Дмитрия Бегичева “Семейство Холмских”. Курьезная подробность: когда сочинитель губернаторствовал в Воронеже, один из Тулиновых был губернским предводителем дворянства».

Чтобы как-то смягчить впечатление о темных делах тогдашнего хозяина особняка, несколько слов скажем о его супруге Анне Семеновне (1762 – после 1810) – даме, по воспоминаниям современников, удивительно гармонично сочетавшей в себе «кротость и добродушие» с «умом и пристойностью».

Ее облик дошел до нас благодаря портрету, созданному крупнейшим мастером Русского Просвещения Федором Степановичем Рокотовым (1735–1808). Сам по себе этот портрет – шедевр русского изобразительного искусства. Художник изобразил полнокровную, круглолицую и пышнотелую красавицу с высокой прической и в дорогом атласном платье. На шее у нее – тонкая ленточка с бантиком, а в ушах – бриллиантовые серьги. Однако модный наряд и драгоценности не заслоняют лицо, пленяющее зрителей «приятностью и разумом». Ф. С. Рокотов считается основателем жанра интимного портрета, и данная работа наиболее полно выразила особенности новаторского стиля художника. В «Портрете А. С. Тулиновой» он создал обаятельный женский образ, привлекающий тонкой «семейной» душевностью, искренностью и ласковым взглядом. Это ощущение усиливает колорит картины, построенный на еле уловимых, тончайших оттенках голубого, пепельного и розового цветов.

*Анна Семеновна Тулинова.
Художник Ф. С. Рокотов. Конец 1770-х. Холст, масло. 59,3 × 46.
Государственная Третьяковская галерея*

Портрет был написан в конце 1770-х годов, когда Аннушка, дочь московского купца Семена Гавриловича Журавлева, имевшего свой дом в Садовой Большой слободе, только-только вышла замуж за гвардейского капитана Ивана Ивановича Тулинова. Впереди у этой пары была еще вся жизнь... В XX веке длительное время портрет принадлежал известному коллекционеру живописи – литературоведу и переводчику французских романов Евгению Анатольевичу Гунсту, наследники которого в конце 1980-х годов продали картину за 25 000 рублей Третьяковской галерее.

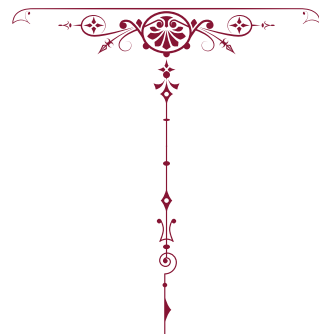
Рокотовский «Портрет А. С. Тулиновой» широко известен: его репродукция украшает почти все издания по русской живописи XVIII века. В связи с этим родилась одна красивая версия, которую приводит в своей книге П. А. Попов:

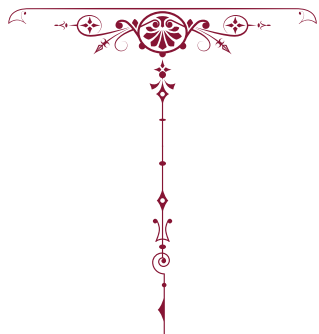
«Воронежские телевизионщики, снимая сюжеты о Доме Вигеля, любят “легенды”, будто кто-то увековечил на фасаде лицо своей любимой жены, а может, дочери. Это, конечно, сказки. Но они не лишены почвы. На московских домах и дворцах подобные женские лица утончены до холодно-бессмысленного, отрешенного взгляда, а у Тулиновых они более натуралистичны: крепкие, упитанные и смотрят по-иному. Они будто открыты навстречу созерцателю дома, а их пухлые губы готовы вот-вот раскрыться и поцеловать. Наверное, таков и был идеал купцов-фабрикантов – не совсем полноценных, не вполне еще “облагородившихся” дворян.

Портрет жены Ивана Ивановича Тулинова – Анны Семеновны – исполнен видным русским художником Федором Рокотовым и хранится в Третьяковской галерее! Тулинова – такая же крепкая и щекастая, только Рокотов старался, чтобы получился портрет благородной дамы, а наши неизвестные умельцы изваяли настоящих воронежских женщин». «Может быть, состарившийся Иван Иванович, глядя на женские маски, с удовольствием вспоминал, как выглядела в молодости его жена?» – вопрошает воронежский краевед.

Одна из женских масок в завершении пилястр главного фасада

Ну а теперь пришло время рассказать о человеке, фамилию которого мы вспоминаем сегодня в связи со старинным особняком.

У Ивана Ивановича и Анны Семеновны Тулиновых было пятеро детей. Одна из них – дочь Варенька (1787–1806) – вышла замуж за майора Малороссийского кирасирского полка, расквартированного тогда в Воронеже, Николая Филипповича Вигеля (1778–1808). Свадьбу сыграли в феврале 1804 года, после чего в гости к молодоженам пожаловал брат новобрачного Филипп Филиппович Вигель (1786–1856). Тогда ему было всего 18 лет, но, несмотря на столь юный возраст, он уже служил в московском Архиве коллегии иностранных дел.

В будущем Филипп Филиппович сделал завидную служебную карьеру, последовательно исполняя должности бессарабского вице-губернатора, керченского градоначальника и наконец директора Департамента иностранных вероисповеданий.

Но главное даже не это. По долгу службы Ф. Ф. Вигель сталкивался с крупными деятелями своего времени, известными людьми, много ездил по России и за границей и вынес из своих встреч и путешествий громадный запас самых разнообразных впечатлений, которыми поделился с читателями в своих так называемых «Записках». О них знали ещё до появления в печати, поскольку автор нередко читал их и дома, и в многолюдных гостиных. Так, к примеру, Софья Николаевна Карамзина, дочь знаменитого писателя и историка, фрейлина двора и хозяйка популярного в свое время петербургского литературного салона, так рассказывает об этом в письме к сестре: «В субботу у нас было много народу к обеду, в том числе и Вигель, который и был причиной сбора, – он должен был прочесть свои мемуары <...> С шести до десяти часов не видали, как пролетело время, так мы были приятно поглощены чтением Вигеля. Даже Вяземский, который не из его друзей, был очарован. Это было остроумно, смешно, интересно, иногда глубоко, полно изящного стиля».

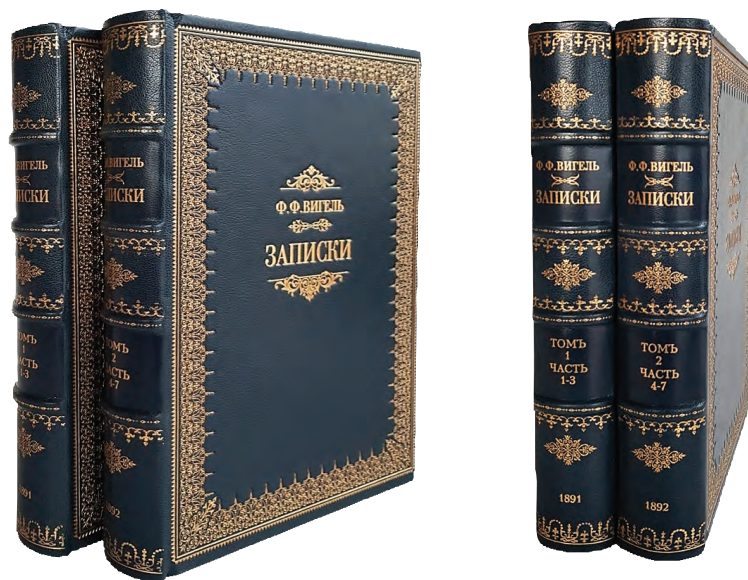

*Филипп Филиппович Вигель.
Портрет XIX века*

«Записки» Ф. Ф. Вигеля многократно переиздавались, впрочем, в полном объеме они так и не увидели свет до сих пор. Тем не менее в разных изданиях можно обнаружить и упоминание наших мест. Вот, к примеру, как сообщает автор о своем приезде в Воронеж и знакомстве с семейством Тулиновых:

«Мы нашли город пустым; все разъехались по деревням, кроме Тулиновых, которые, быв предварены, ожидали нашего приезда. Благословенная семья, патриархальные нравы! Но не без просвещения. <...> Семейство Тулиновых, столь известное в Воронеже по своему гостеприимству, удвоило старания, чтобы нас лучше принять <...>. Собственный дом их, каменный, двухэтажный, хорошо и прилично убранный, с большой усадьбой, находился почти за городом, и мы могли почитать себя как бы в гостях у помещика-соседа».

Тот же Ф. Ф. Вигель позже подробно рассказал и о трагедии, произошедшей в семье Тулиновых.

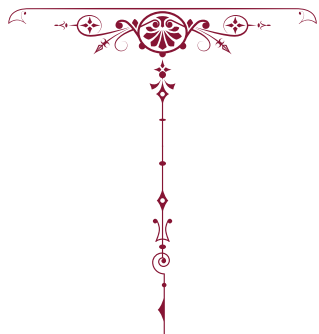

«Записки» Ф. Ф. Вигеля.

Издание 1891–1893 годов в современном переплете

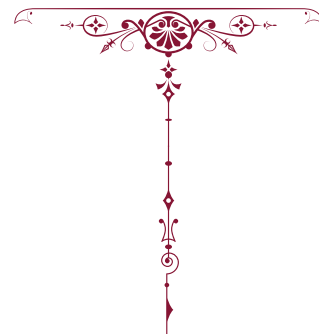
В П Р Г Д Л Е

На дворе стоял мрачный ноябрь 1806 года, когда, по словам автора «Записок», «пришло к нам известие о первом семейном несчастье, случившемся на моей памяти». «Когда женщины или девицы гибнут в самой первой молодости, обыкновенно уподобляют их цветкам, скошенным неумолимою смертью, и как сравнение сие сделалось не пошло, я лучшего здесь не нахожу, – сообщает мемуарист. – В нашем семействе зацвела недавно не роскошная роза, не пышная лилия, а скромная фиалка, которая благоухание разливала только в тесном кругу своих родных. Невестка моя Варвара Ивановна наполняла тихую радостью весь дом моих родителей, в нем все от души ее любили; но никто так утешен, так очарован ею не был, как престарелый наш отец; цветок этот точно был приколот к его сердцу. Она с мужем выпросилась у него в Воронеж, чтобы время беременности и родов провести у родителей своих Тулиновых. Там дала она жизнь дочери Елизавете, а сама лишилась ее на двадцатом году от роду <...>. Горесть вдовца описать невозможно; она равнялась счастьем, коим он наслаждался. Все ищут его, кто в богатстве, кто во власти, кто в житейских удовольствиях, а найти его можно только в одном: в законной, постоянной, непорочной, взаимной любви. Кто может таким образом обрести его, тот, не покидая земли, стоит уже в преддверии рая. Двое сирот не могли даже утешить бедного моего брата; оставаясь верен памяти жены, он до конца жизни своей всё ныл, всё чах, всё тосковал о ней»...

На какое-то время отложим «Записки» Ф. Ф. Вигеля и посмотрим, что происходило в знаменитом особняке после внезапной смерти Варвары Ивановны.

Следующими хозяевами здесь стали ее братья – Дмитрий (1790–1853) и Николай (1810–1854). Сохранилось описание дома во времена, когда они были его владельцами. В «Воронежских губернских ведомостях» за 1847 год была опубликована статья одного из самых известных местных публицистов того времени Петра Васильевича Малахиных. «Между частными домами на Поповом рынке обращает на себя внимание дом ныне губернского предводителя Николая Ивано-

вича и брата его Дмитрия Ивановича Тулиновых, – сообщает автор статьи. – Наружный вход этого дома имеет в себе много готического – он стоит внутри обширного двора, среди которого прекрасный цветник, имеющий внутри группу Амура и Психеи. Внутренность дома отличается роскошью убранства, великолепием и всем тем, что составляет изысканный комфорт богатых людей».

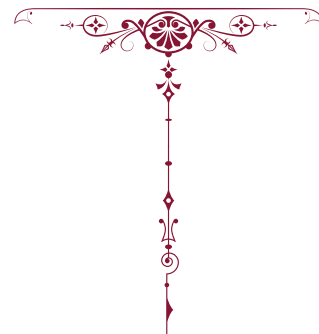
Среди новых хозяев особняка наиболее яркой представляется личность младшего брата.

Действительный статский советник, камергер, кавалер ордена Святой Анны с надписью «За храбрость», полученного в 1831 году за участие в подавлении польского восстания, Николай Иванович Тулинов был в Воронеже человеком весьма и весьма заметным, поскольку занимал здесь целый ряд видных общественных должностей. Он был губернским предводителем дворянства (1844–1848), состоял попечителем губернской гимназии (1841–1844), являлся содержателем воронежского театра (1843–1847).

Известный историк воронежских театров Зиновий Яковлевич Анчиполовский рассказывал о нем так: «Тулинов не скупился. Он даже купил здание театра, чтоб иметь возможность перестроить его по своему вкусу. И оно стало просторней, удобней, нарядней. Ничто не напоминало теперь о недавнем убожестве... Современник говорит о “чисто восточной роскоши” отделки, отличавшей и зрительный зал, и служебные помещения. <...> И когда 15 августа 1843 года был показан первый спектакль, многочисленная публика могла вполне оценить труды и заботы организаторов нового театрального сезона. Свежевыкрашенный зал сверкал белизной, на которой особенно нарядной казалась золоченая и малиновая роспись стен. Некоторые ложи были драпированы бархатом. Яркое освещение придавало всему особую праздничность. Дирекция будто вознамерилась соревноваться со столичной сценой. Н. И. Тулинов потратил фантастическую для провинциального театра сумму – 16 тысяч рублей – на постановку оперы А. Н. Верстовского „Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев“. Вероятно, не многим дешевле обошелся

Николай Иванович Тулинов

спектакль по другой опере того же автора – „Аскольдова могила“, имевшей в Воронеже, как и повсюду, большой успех и потребовавшей нескольких повторений <...>. Интенсивность театральной жизни не ослабела и на следующий сезон. Но весной 1845 года кончилось директорство Тулинова. Распалась труппа, в течение двух лет так восхищавшая любителей сцены. Театральное здание в центре Воронежа погасило свои огни».

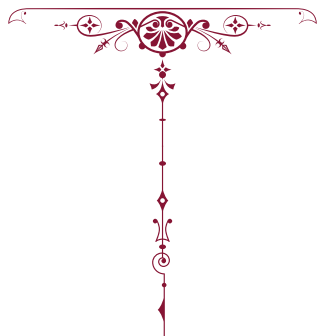
А потом, к сожалению, «погасил свои огни» и сам Николай Иванович. В 1854 году он скорострительно скончался от апоплексического удара. Было ему тогда всего 44 года. Похоронили блистательного мецената на кладбище Акатова монастыря рядом с братом, умершим за год до этого.

Наследников братья Тулиновы не имели, поэтому после внезапной кончины Николая Ивановича, как пишет П. А. Попов, «сам полицмейстер Воронежа – майор Колиньи с благородными свидетелями – явился в опустевший дом, чтобы описать движимость и недвижимость».

Эта опись позволяет представить как быт воронежского дворянства середины XIX столетия, так и масштабы богатства, нажитого за четыре десятилетия жизни его предводителем.

«Первым делом Колиньи подошел к шкафу, отделанному красным деревом: там висел старый-престарый серебряный крест со святыми мощами и стояли шесть образов, – представляет происходившее тогда современный исследователь. – Искренне перекрестился три раза. Убедился, что большинство икон, как и крест, оказались старинными, в серебряных окладах. И принялся диктовать: “Образ преподобного Семиона Богоприимца... Образ Дмитрия Солунского... Образ Спасителя...”.

Потом велел помощникам приступить к самому долгому и утомительному: битый час они перекладывали и пересчитывали нескончаемую дорогую посуду. Начали со всего серебра: с ковшей, блюд, ложек, ножей, солонок... Удивились, что серебряные сахарница, молочник, соусник, рыбница и фруктовая ваза – лишь в единственном

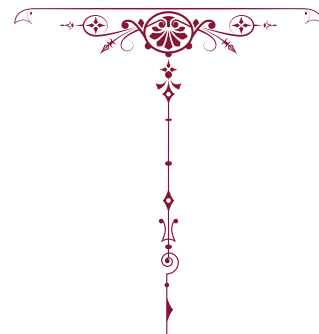

числе. Зато покойный не спешил избавляться от хрусталя – графинов, ваз, стаканов, бокалов. Рюмок хрустальных – 83, именно на столько дорогих гостей рассчитывали когда-то Тулиновы!

Временами майор отвлекался от посуды и осматривал самое интересное. Большие декоративные вазы из фарфора. Высокие часы на деревянном пьедестале; часы пониже, но пошире – в бронзе; часы столовые с черной фигурой лошади... С любопытством трогал скульптуры в зале. Но в документе зафиксировал их очень лаконично: “две фигуры черные, одна на бронзовом, а другая на мраморном пьедесталах”.

Мебели – уйма. Для отчета выбирали основную. Три зеркала с позолоченными рамами. 13 столов круглых, четырехугольных, ломберных и прочих – одни оклеенные для красоты красным деревом или сукном, другие резные. Стол круглый обеденный дубовый – один. Бюро, отделанное красным деревом, – тоже одно. Но письменных столов – четыре, из них три большие, облицованные сукном, – значит, прежде каждый из братьев работал в своем кабинете. Спальных диванов осталось два (лучший – обитый ситцем и оклеенный орехом). И лишних вещевых шкафов уже нет: есть два гардероба со всяческими вещами Николая Ивановича. Выходит, он рассчитывал всю жизнь доживать в одиночестве?... Благородные свидетели даже прослезились, глядя на одежду покойника. Совсем недавно в ней щеголял перед дворянством живой честолюбивый человек, и вот она уже ничемна. Бекешь суконная темно-синяя с бобровым воротником, плащ “триковый”, фрак черный с бархатным воротником, сюртуков черных суконных с шелковой подкладкой – два, сюртук летний “пикейный” – один, жилетов темных – шесть и белых “пикейных” – пять, брюк “триковых” разного цвета – 7, галстуков черных шелковых – 4 и “утренних” – 3...

Чтобы отвлечься, вышли минут на пятнадцать в каретный сарай, записали новый двухместный тарантас с “лошадью-жеребцом вятской породы, саврасым, 10 лет, грива черная на правую сторону, на лбу звездочка”. И опять – в дом. Колиньи лишний раз поразился, сколь

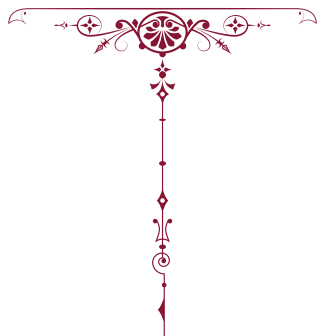

богата облицовка стен и полов – почти всех. И решил сделать запись покороче: мол, стены в доме разделаны под мрамор и расписаны золотом, а полы – паркетные, и только некоторые комнаты оклеены английскими шпалерами, а полы там раскрашены под паркет. Не забыл указать, сколько комнат в каждом этаже. В верхнем – 7, в “среднем”, то есть основном, – 9, а в нижнем, как ни удивительно, 12 – умудрились же хозяева настолько переделать первоначальные кладовые!

Полицмейстер устало спустился в покатый двор по ступенькам ближнего флигеля, заглянул в арочное окно кухонной стены: не обойтись без подсчета бочонков. А ведь еще надо успеть оприходовать машины, материи и прочее добро в суконной фабрике! Вдруг его позвали вернуться в домовую залу. Оказывается, описались, пропустили очень существенное: большую бронзовую люстру с хрустальными и разобраный диван с подушками, обитыми ситцем. Придется занести их в документ после завершающего перечисления комнат – да ладно!

Чтобы не осрамиться, майор решил для верности пересчитать картины в доме: правильно, сорок пять. И захотел особо вписать самую большую и искусную. Конечно, некогда разбираться, чьи там лица. “Картина на полотне, изображающая два женских и три мужских лица, в позолоченной старой раме за стеклом – одна». Колиньи снова низошел по лестнице, окинул взглядом нагромождение амбаров и фабричных цехов и вздохнул»...

Сегодня по-разному можно относиться к масштабам такого богатства. Тот же П. А. Попов с осуждением пишет: «Перед нами предстают этакие предшественники “новых русских”, которые ни в чем не могли остановиться: ни в поступках, ни в желании выставить свое богатство напоказ». А вот А. Н. Акиншин и О. Г. Ласунский считают иначе: «Каждое поколение Тулиновых приумножало то, что получило от родителей. Гены предпринимательства передавались по природной цепочке от старших к младшим. Казалось бы, можно иной раз передохнуть, пожить за счет накопленного – так нет же: капитал должен быть в движении, себя окупать и еще прибыль давать! Какими бы аристократами ни хотели выглядеть Тулиновы,

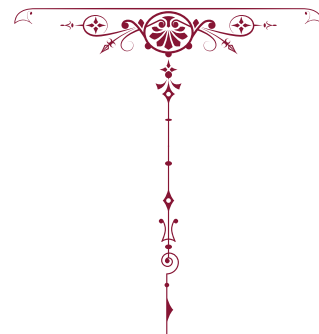

а прежняя купеческая закваска намертво сидела в них». (Эта точка зрения перекликается со свидетельством Ф. Ф. Вигеля. «Род Тулиновых, не оставляя одного дела и города в течение более полутора столет, от поколения до поколения все усовершенствовал изделия своих мануфактур и умножал свое благосостояние», – пишет он в своих «Записках»).

Так или иначе, но всё это огромное наследство Тулиновых после смерти братьев оказалось объектом судебного разбирательства. Во-первых, на него претендовала их сестра Анна Ивановна (1792–1878). В 1821 году она вышла замуж за подполковника Петра Романовича Шеле, потом овдовела и теперь была намерена поправить свое состояние. Во-вторых, законные права на наследство предъявил и Филипп Николаевич Вигель (1805–1877) – внук Ивана Ивановича Тулинова, племянник Николая и Дмитрия Ивановичей, а также мемуариста Филиппа Филипповича Вигеля. Тяжба за раздел имущества между ними тянулась несколько лет, о ней подробно повествовали «Воронежские губернские ведомости», подогревая интерес к судебному спору среди местной публики. В конце концов тетке досталась Рамонь с крестьянами, землей, лесом, свекло-сахарным и стеариновым заводами, зимний особняк в первопрестольной и кое-что еще. А племянник стал владельцем дома, где прошли его отроческие лета, села Парусного, шлюзной мельницы и всех суконных фабрик в городе.

Так в особняке на правах хозяина поселился младший Вигель. Личность весьма примечательная. Хотя бы потому, что именно благодаря ему здание получило свое нынешнее название – Дом Вигеля.

Филиппу Николаевичу было чуть больше года, когда скончалась его матушка. А еще через пару лет не стало и отца. До 15 лет его воспитывал дед-фабрикант, после чего отправил внука в столицу к дяде, автору знаменитых «Записок». Сам Ф. Ф. Вигель о воронежском племяннике писал так: «Наружность он имел не весьма красивую, был невелик ростом, бел лицом, не по летам дюж и толст, и от излишнего употребления сластей у него попортились и желел-

тели зубы, которые очернил после курительный табак. Ума у него было довольно, сердце он имел мягкое, нрав веселый, но вследствие беспрестанных угождений целого семейства сделался чрезвычайно своеволен».

Дядя определил племянника в привилегированный столичный пансион, откуда, впрочем, юный Вигель очень скоро сбежал. Беглеца определили в лейб-гвардии драгунский полк, где он прослужил несколько лет, выйдя в отставку в звании поручика. После чего Филипп Николаевич возвратился в милый его сердцу Воронеж.

Местный мемуарист Дж. Боккаччио (за этим псевдонимом скрывался известный в городе очеркист, поэт и издатель Павел Анисимович Степанов) аттестовал Вигеля-младшего как жуира, прожигателя жизни. Непременный посетитель спектаклей и концертов в Городском театре, фабрикант сидел в специально для него установленном кресле на краю сцены. На стенах его дома висели старинные картины, а в застекленных шкафах орехового дерева гости могли увидеть дорогостоящие предметы антиквариата.

Кстати, в Воронежском областном краеведческом музее хранится любопытная акварель середины XIX века. На ней нет ни фамилии автора, ни каких других пояснительных надписей, но уже в наши дни изображенное на ней здание была опознано все тем же П. А. Поповым как особняк Тулиновых. Тот же исследователь предположил, что автором акварели был преподаватель рисования в Воронежском Михайловском кадетском корпусе Сергей Павлович Павлов (1828–1873).

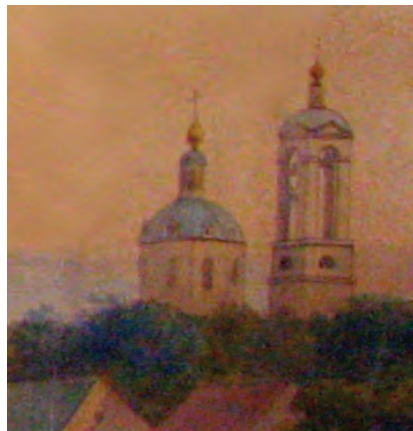
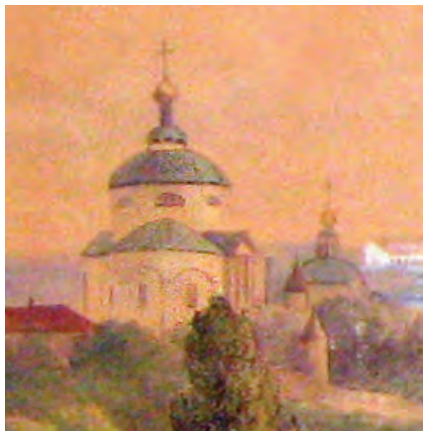
На рисунке хорошо просматриваются многие и поныне существующие детали. Мезонин, выделенный высоким и замысловатым барочным аттиком. Женские маски в завершении пилястр...

Какие-то детали остались только на акварели, например, гербовая и другая лепнина на аттике (да и контуры аттика впоследствии были немного модернизованы). А вот перед нами парадный балкон на столбах и арках – на него, на второй этаж, ведут по бокам две высокие веерные лестницы. Такая композиция роднит тулиновский

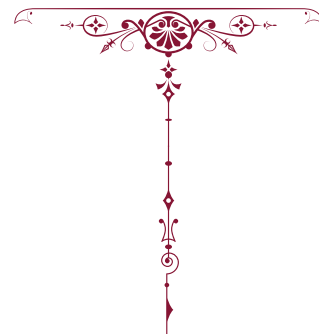
Дом Вигеля. Акварель середины XIX века. Художник С. П. Павлов

Дом Вигеля. Фрагменты акварели середины XIX века. Художник С. П. Павлов

дом с загородными усадебными дворцами. Первый этаж выглядит вспомогательным: как и полагалось архитектуре XVIII века, сначала внизу были помещения хозяйственные и подсобные. Там мало окон. Перед домом – немного запущенный садик, где, впрочем, садовник поливает цветы и где стоит некая статуя. Интересна пристройка к дому с правой стороны: внизу предусмотрена широкая арка в хозяйственный двор, и туда катит какой-то экипаж. А слева – флигель, тоже с аттиками изогнутых, барочных очертаний.

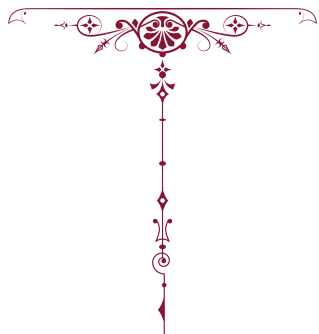
За балконом, в окнах гостиной художник прорисовал синие занавески. У открытой балконной двери изобразил трех господ: у пилястры стоит грузный мужчина в черном фраке – явно главная фигура, на перила опирается женщина в синем наряде, а рядом с ней, чуть сзади, маячит ее одна неясная фигура в белом.

П. А. Попов полагает, что грузный мужчина – это и есть последний хозяин дома Ф. Н. Вигель.

«Положим, что рядом – еще живые жена и сын, – развивает свою гипотезу исследователь. – В садике перед домом – уже вовсе не “любовная” скульптура “Амур и Психея”, как при Тулиновых, а одиночная статуя, женственно-воинственная, похожая на Минерву. Теперь противоречий нет! Значит, художник рисовал не тулиновскую, а вигелевскую усадьбу – после 1856 года».

Старая ожившая акварель – не единственная история про легендарный особняк, рассказанная П. А. Поповым. Гораздо более впечатляющей и романтической представляется его легенда о превращении Дома Вигеля в «дом-убийцу».

«Конечно, Филипп Николаевич радовался городу детства: милому Попову рынку и прекрасной речке с красивыми зелеными островами и лугами, любимому усадебному саду, где рядом с домом росло множество фруктов и ягод. Все еще стучали ткацкие станки на мануфактуре, запущенной предками и теперь принадлежавшей ему. Но пустой дом... – начинает свой рассказ о здании-призраке упомянутый исследователь. – Дом, который оставил его без матери, а потом унес и бабушку с дедушкой, которые его лелеяли в детстве,

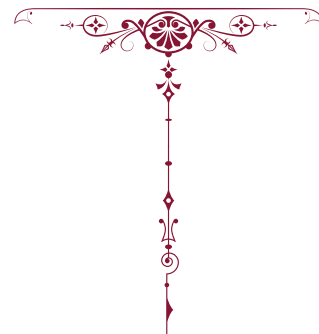
и даже трех дядей, у которых не осталось потомства. В таком доме отставной поручик не мог не предчувствовать, что и его семью ожидает подобная участь».

Предчувствия не обманули: безжалостный рок продолжил свое разрушительное действие. «В 1857 году остановилась его суконная мануфактура, – продолжает свое повествование П. А. Попов. – Рабочие-женщины, недовольные тяжкими условиями труда, отказались выйти на фабрику, и это была первая в истории Воронежа забастовка! <...> И в семейной жизни – катастрофа! Сын Вигеля Александр не смог обрести невесты – подобно тулиновским предкам-холостякам. А после позорного и неудачного суда с Шеле злосчастный дом не пощадил, унес из жизни сына! Жены будущий благотворитель тоже лишился. И... остался один на один с каменной громадой».

Финал трагедии описан краеведом по всем канонам классического готического романа:

«В приступах отчаяния он не раз обходил свои огромные и бесполезные владения: эффектный мезонин, роскошную каминную комнату с благородным паркетом, ставшие ненужными фабричные здания, зимний сад, деревья во дворе, бесконечные дворовые флигели и кладовые и наконец мрачный низкий подвал – и окончательно пришел к выводу, что все это не значит и не стоит ничего в сравнении с человеческой брэнностью. Как не значили бесконечные наследственные акты и судебные процессы. Как не значили и главные установки, которые его предки передавали из поколения в поколение: копить и строить, копить и строить.

Слезившиеся глаза старика смотрели на семейные реликвии – на холодные маски фасада и на трепетные картины-портреты, развешанные по стенам. Он подходил к изображению то одного, то другого предка и пытался запоздало спросить каждого: “Зачем?”. “Зачем строил – и умирал, строил – и умирал?” Подобие улыбки мелькало на его некрасивом лице, когда он встречался с душевным взглядом его бабушки Анны Семеновны, которая, по существу, заменила ему мать. Но вот взгляд останавливался на портрете предводителя дворянства

Тулинова – его дяди, который, по иронии судьбы, был моложе него. И улыбка вмиг исчезала с лица.

И жалкий старик предъявлял претензии ко всему дому так же рьяно, как и когда-то к своей тете-ответчице Шеле. И жалкий старик решил взять реванш не только за деяния своих предков и за свое сиротство, но и за свое время. И жалкому старику пришла в голову гениальная идея: превратить „дом смертей“ в “дом рождений”!»

Полный текст завещания Вигеля хранится в областном Госархиве, в фонде губернского земства. Начинается оно так:

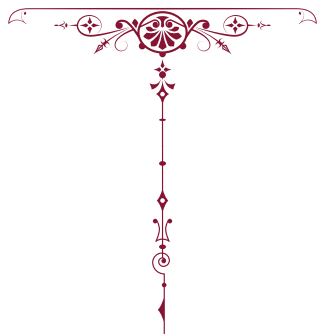
«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь. Находясь в преклонных летах, но в здравом уме и твердой памяти, я, нижеподписавшийся, Гвардии поручик Филипп Николаевич Вигель, лишившись единственного сына, смертью которого прекращается род Вигелей, и не имея по прямой линии законных наследников <...> а потому, руководствуясь не побуждениями мелкого тщеславия, но проникнутый чувством человеколюбия и глубоким участием к страданиям и лишениям бедного люда, на случай смерти моей за благорассудил составить настоящее завещательное распоряжение...».

Пункт четвертый: «...Завещаю после смерти моей в собственность Воронежского Губернского Земства с тем, чтобы в упомянутом в первом пункте завещания доме моем была бесплатная женская лечебница с родовспомогательным отделом для неимущих, без различия сословий, из проживающих в городе Воронеже».

Основной источник доходов для устройства лечебницы – мельница в имении «Шлюз». Засвидетельствовано 24 апреля 1876 года – за девять с половиной месяцев до смерти Ф. Н. Вигеля.

Стоимость подаренного имущества была по тем временам баснословна: около 250 тысяч рублей! Ф. Н. Вигель переплюнул благодетеля Степана Кряжова – городского голову, который истратил порядка 150 тысяч на устройство первого в Воронеже водопровода!

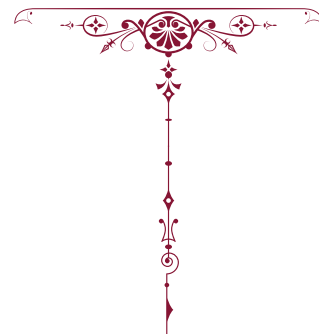
В архиве же хранится и опись вигелевского имущества, переходящего к земству, – составлена в 1877 году. Несомненный интерес представляет описание городской усадьбы, там названы абсо-

лютно все постройки с размерами зданий и даже габаритами окон. Вот лишь краткое их перечисление. Дом каменный, двухэтажный с андресолями, вышиной 12 аршин, андресоли вышиною 4 аршина, длиной 45, шириной 28 аршин. При доме – деревянная пристройка, подъезд (низ каменный, верх деревянный), балкон и терраса из кирпича. Еще к стене дома пристроена стеклянная оранжерея с тропическими растениями – наверное, это и есть «зимний сад», как величали его в разговорах? Длина оранжереи – 20 аршин, высота – 3 аршина; в пересчете на современную систему мер – $14 \times 2,1$ м. Далее – флигель двухэтажный каменный: в нижнем этаже – кухня и подвалы. Еще одна кухня и ледник каменные, караулка, сарай и два коровника тоже каменные... Еще один флигель, еще одна кухня, а вот деревянный флигель с мезонином (первый этаж обложен кирпичом, а под ним сводчатые подвалы). Кузня, амбар, службы, погреб, навес... А вот просто «строение каменное» приличной длины – 61 аршин, где есть подвалы со сводами, – видимо, бывший суконный цех. Дом оценивался в 40 104 рубля, а вся усадьба – в 73 509.

Однако, как выяснилось довольно скоро, Дом Вигеля как больница на средства, указанные в завещании, существовать не может. Поэтому земство в 1878 году устроило здесь приют для подкидышей. В 1899 году было решено определить сам особняк под административное помещение губернской земской управы, а для детского приюта построить на территории усадьбы новое помещение. Заодно было решено возвести здание и под родильное и гинекологическое отделение, как завещал покойный Ф. Н. Вигель.

«Оба здания спроектировал техник земства, инженер Александр Иванович Шпаковский, – сообщает П. А. Попов. – Грудных подкидышей переселили в новые комнаты, положили на железные кровати и на подушки, набитые стружкой, прикрыли клеенками. По штату полагалось 40 кормилиц, младенцев же в среднем помещалось около 50. Имелись центральное отопление и две ваннные комнаты с цинковыми ванночками. Родительное отделение снабдили электрическими звонками.

Одновременно и по проекту того же автора Дом Вигеля приспособляли под управу. Его расширили пристройкой по красной линии улицы (частично сломав старые пристройки). И главный вход в управу сделали в пристройке – с торца, с улицы. Документы сохранили для нас имя подрядчика-каменщика – Матвея Ивановича Ключникова, крестьянского сословия. После отселения приюта интерьеры старого дома переделали под кабинеты. Архивные бумаги подтверждают, что Шидловский в своей статье был прав: во всех трех этажах земству пришлось заменить потолки. Кое-где перестелили и паркет. Все же управа заботливо вычистила мраморные стены, испачканные старой грязью и новой побелкой. Упоминается также, что мастер Глек возобновил живопись на стенах помещения, отведенного под статистический отдел. Логично предположить, что в это же время ликвидировали остатки старого живописного балкона, все обнаруженные спереди стрельчатые или лучковые окна свели к одному арочному виду, а главный аттик слегка возвеличили в веяниях неobarocko – придали этой декоративной стенке нынешние очертания».

Возможности «вигелевского» роддома исчерпались уже в 1907 году, когда он оказался переполненным. Городской глава Николай Владимирович Елисеев доложил местной Думе, что он лично посетил земский родильный приют и воочию убедился, в каком ужасном положении находятся роженицы – «в помещении, предназначавшемся на 12 кроватей, предшествующей ночью лежала 51 роженица, да еще 6 было отказано».

«Однако, – замечает П. А. Попов, – земское самоуправление в строительном порыве расширяло не родильные комнаты, а офисы. По проекту, разработанному в 1911 году губернским архитектором Дмитрием Николаевичем Васильевым, здание управы протянули еще дальше вдоль линии улицы. Новый корпус, назначенный для страхового отдела, соединили с угловым строением – с бывшим суконным цехом, где тогда помещалась женская земская богадельня. Сделали арку с металлическими узорчатыми воротами для проезда во внутренний двор. Похвально, что Васильев максимально стилизовал новую пристройку под оформление старого дома. Предусмо-

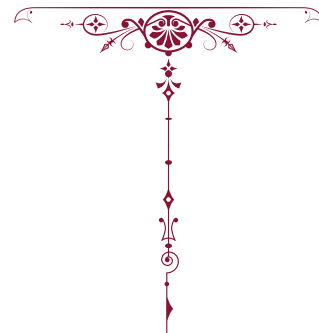
трел аттик, похожий на тулиновский. Рискнул скопировать раковины и даже лица “барышень”! В результате здешние маски повторяют черты тулиновских лиц, но выражение у них вышло не сладострастное, а уже отрешенное, свойственное эпохе модерна. Жаль, что несведущие воронежцы часто принимают уличный корпус за старый “Дом Вигеля”. Тем не менее этот корпус тоже не портит, а удачно дополняет и украшает ансамбль».

Губернское земство размещалось в Доме Вигеля вплоть до революционных перемен, что делает особняк и его пристройки особым памятником культуры, связанным с историей всего города и всей губернии. В эти годы здесь работали многие замечательные воронежцы, прославившие наш город далеко за его пределами.

Среди них – ученый-статистик и историк казачества Федор Андреевич Щербина (1849–1936). Он заведовал здесь статистическим бюро губернского земства. Под руководством этого человека было подготовлено свыше 60 томов материалов о хозяйственной жизни Воронежской губернии. Еще в конце XIX века Федором Андреевичем

Дом Вигеля в период нахождения здесь губернской земской управы

была организована подворная перепись крестьянских хозяйств всех 12 уездов; а с 1886 года Ф. А. Щербина дважды в год выпускал «Сельскохозяйственные обзоры по Воронежской губернии». Будучи председателем специальной комиссии воронежского земства, призванной изучить положение и дать оценку кризисным явлениям в сельском хозяйстве, в 1902 году он принял активное участие в оппозиционном выступлении воронежских земских либералов, предлагавших ввести конституционный строй в России. За это в марте 1903 года в числе других участников воронежской фронды Ф. А. Щербина был выслан из губернии.

Еще один знаменитый обитатель Дома Вигеля в этот период – Андрей Иванович Шингарёв (1869–1918). Будучи врачом общей практики, в 1903–1907 годах он возглавлял здесь санитарный отдел губернской земской управы. Позже этот человек был известен всей России как один из лидеров кадетской партии, депутат I–IV Государственных дум, министр земледелия и финансов во Временном правительстве. Андрей Иванович был арестован большевиками в день открытия Учредительного собрания, затем, по состоянию здоровья, переведен в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь на 7 января 1918 годы его убили пьяные матросы, стоявшие в карауле.

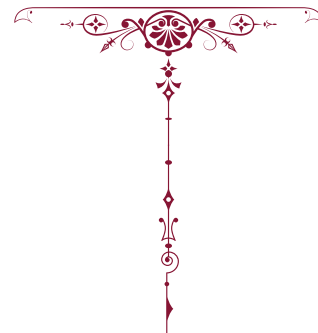

Андрей Иванович Шингарёв

Широкую известность в стране приобрела вышедшая в 1901 году книга А. И. Шингарёва «Село Новоживотинное и деревня Моховатка в санитарном отношении. Опыт санитарно-экономического исследования вымирающей деревни» – обстоятельный очерк о состоянии воронежского крестьянства. После его публикации, при участии Андрея Ивановича, были созданы уездные санитарные советы. В 1902 году вышла работа А. И. Шингарёва «Ясли-приюты для детей в деревнях во время летней рабочей поры», а в 1903-м – исследование «Общегубернская санитарная организация в Воронежской губернии»...

В начале XX века Дом Вигеля оказался в эпицентре революционных событий. «Именно здесь разгорался первый в городе очаг подлинной демократии!» – напоминает П. А. Попов. И в этом есть своя историческая правда: в 1974 году здание было причислено к памятникам республиканского значения, а в 1995-м переведено в памятники федерального значения отнюдь не как Дом Вигеля или Дом Тулиновых, а как дом, в котором заседал Совет рабочих депутатов (Делегатское собрание).

«В 1905-м было мощнейшее движение за политические свободы с участием всех городских сословий, – рассказывает воронежский краевед. – Именно губернское земство, его интеллигенты-либералы

предоставили помещения в Доме Вигеля для важных заседаний Делегатского собрания. <...> Сначала собрание состояло из делегатов от железнодорожников и рабочих крупных заводов, затем в него вошли представители широких слоев населения – вплоть до инженеров, врачей, адвокатов. Председателем собрания избрали беспартийного конторщика управления Юго-Восточных железных дорог Ивана Леонидовича Шингарёва (родственника А. И. Шингарёва). Из забастовочного органа, требовавшего свободы слова, свободы личности и созыва Учредительного собрания, Делегатское собрание постепенно превращалось в орган местного самоуправления, горожане стали обращаться туда даже для расторжения брака».

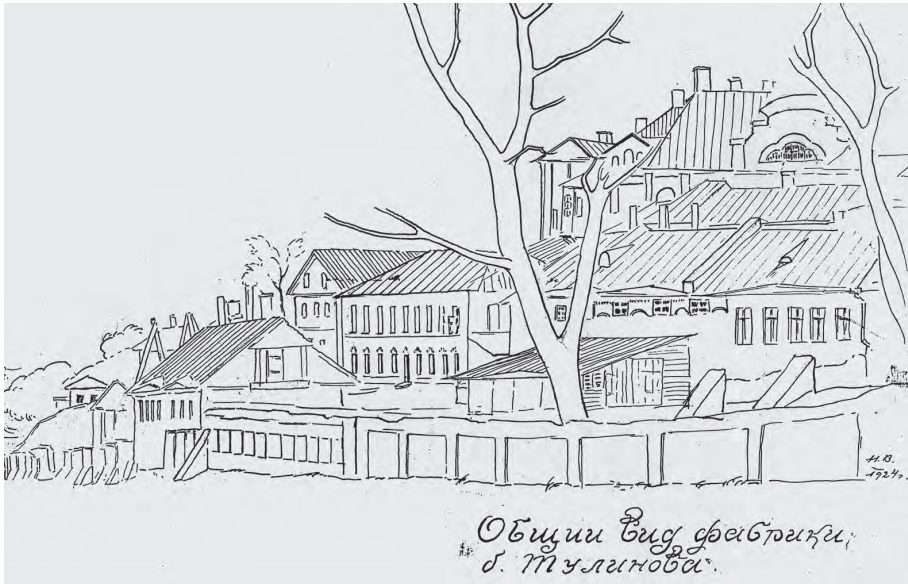
В феврале 1917 года в Доме Вигеля работал человек, который после буржуазно-демократической революции и упразднения института губернаторства стал первым лицом губернии. Это Петр Яковлевич Ростовцев (1863–1929). Известный политик-кадет, он еще с 1902 года был членом губернской земской управы, где среди прочего курировал переделки в Доме Вигеля. С 1905 года был заместителем председателя управы. В 1905–1906 годах – воронежским городским главой, избирался депутатом в I Государственную думу, после разгона которой несколько месяцев провел под арестом.

Затем до 1912 года жил в родовом имении в селе Берёзовке Землянского уезда, находясь под негласным надзором полиции. Во время Первой мировой войны вернулся к активной политической деятельности, став уполномоченным Воронежского губернского комитета Земгора (Союза земств и городов). После Февральской революции возглавил губернский исполнительный комитет, тогда же был назначен губернским уполномоченным Министерства земледелия при министре-воронежце А. И. Шингарёве.

В 1919 году, когда шли бои за город между белыми и красными, П. Я. Ростовцева, как ключевую фигуру, большевики взяли в заложники и заключили в концлагерь. Занявший город белый генерал А. Г. Шкуро Петра Яковлевича освободил и утвердил в должности председателя земской управы. Через месяц, при наступлении красных, П. Я. Ростовцев навсегда покинул город вместе с белыми войсками. Из России, впрочем, он не уехал. Его внучка, Татьяна Нико-

*Петр Яковлевич Ростовцев (справа) с семьей.
Рядом с ним — дочь Мария, будущая теща Юрия Никулина. Воронеж, 1910 год*

*Вид на бывшую усадьбу Тулиновых – Вигеля из лога.
Рисунок Н. В. Валукинского, 1924 год*

лаевна, стала женой великого клоуна Юрия Никулина. Но это, как говорится, уже другая история...

Свой же обзор о прошлом Дома Вигеля закончу еще одной цитатой из книги П. А. Попова:

«Только Советская власть выполнила заветы поручика Вигеля как никогда точно. После Гражданской войны она превратила главное усадьбное здание в общедоступный родильный дом. <...> Совсем иной смысл обрели женские маски на фасаде. Наконец-то они стали символом материнства, и их губы, казалось, заулыбались вместе с губами счастливых мам, первый раз показывавших через окна своих младенцев таким же блаженным папам».

Пожалуй, именно эта цитата лучше всего подходит для перехода к повествованию о судьбе Дома Вигеля после 1917 года...

**Обзор подготовил
Дмитрий Дьяков**

Надежда и Спасение

Дом Вигеля в XX веке

Здание, известное нынче как Дом Вигеля, в Реестре архитектурных памятников числится как «Дом, в котором заседал комитет рабочих и солдатских депутатов». Некоторое время, в первые послереволюционные годы, там располагалось земство. Но уже в 1928-м самую улочку стали официально именовать Больничным переулком – согласно предназначению ее основной достопримечательности.

*Роддом – памятник архитектуры. Главный фасад.
Рисунок В. Р. Воскресенского, 1930-е годы*

тельности. С тех пор в стенах Дома Вигеля размещались и губернский здравотдел, и женская больница с родовспомогательным отделением, и больница имени Пирогова, позднее получившая имя Плеханова, а затем и 4-й роддом. Именно это лечебное учреждение, история которого закончилась в 1988 году, и сегодня помнят воронежцы. В первую очередь, чьи дети появились на свет в тех стенах. По рассказам старших, о существовании 4-го роддома знают и те, кто сами родились в нем. Ничего важного рассказать об его истории они по понятным причинам не могут. А вот тех, кто работал в роддоме, хорошо знает и помнит историю этого лечебного учреждения, еще надо поискать.

В войну Дому Вигеля досталось крепко: на послевоенных фотографиях видно, что стены уцелели. А крыши здания нет, сильно пострадали оконные проемы. Каким-то чудом при этом «выжил» драгоценный декор: аттик, женские лики, венчающие фасад здания. Сохранилась и часть внутреннего устройства: лестничные марши, балясины, мраморная плитка.

Дом Вигеля после войны

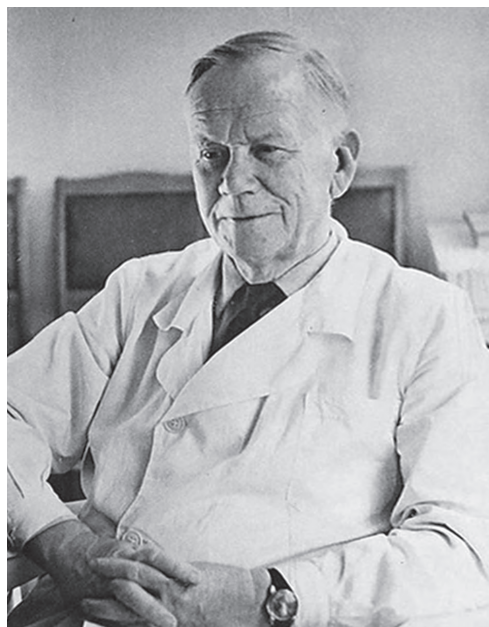

Дом Вигеля после войны

Недалеко от Дома Вигеля в ту пору жил замечательный архитектор Владимир Владимирович Савостьянов, которому было поручено восстановление здания. Его титанический труд впоследствии был удостоен Сталинской премии. Было это в 1948–1949-х годах, и очевидцев, хорошо помнящих ту эпоху, осталось немного. Одна из них – Фаина Зиновьевна Блинчевская.

Фаине Зиновьевне уже за 90, но она активна, жизнерадостна, ведет большую общественную деятельность, курирует работу женской общественной организации «Синий платочек», пишет книги. Сегодня ее воспоминания бесценны: ей посчастливилось прийти в 4-й роддом, когда его только-только восстановили после фашистских бомбежек, когда там работали лучшие ученые и врачи. И свидетельницей его закрытия она тоже была.

«Я пришла в роддом в июне 1951 года, сразу после мединститута, на должность заведующей рентген-кабинетом. Тогда в СССР своих рентген-кабинетов в роддомах было всего два – во Всесоюзном институте акушерства и гинекологии в Москве и у нас, в Воронеже, – рассказывает Фаина Зиновьевна. – Кабинет открылся благодаря профессору Владимиру Александровичу Покровскому, заведующему кафедрой акушерства и гинекологии мединститута. Это был выдающийся человек, заслуженный деятель науки, ученый с мировым именем, участник шести международных конгрессов, редактор отдела акушерства и гинекологии 2-го издания Большой медицинской энциклопедии. При этом в жизни он был скромнейшим человеком, настоящим интеллигентом. Любил музыку, был разносторонне одарен, играл на скрипке. На работу всегда – в дождь и снег – ходил пешком. Он появился в роддоме еще в 44-м, а вместе с ним и Анна Александровна Целиковская, легендарная, героическая женщина. Благодаря им роддом и получил свое новое «послевоенное» рождение. Здание было разрушено бомбежками, но стены все же стояли,

*Профессор
Владимир Александрович
Покровский*

Восстановленный роддом. Фото 1949 года

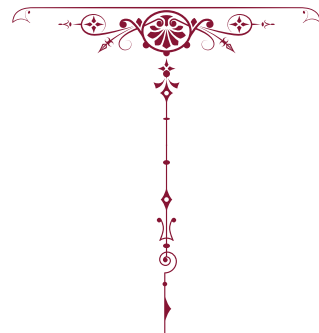
работала женская консультация. После войны, хотя и не сразу, здание стали восстанавливать – женщинам ведь надо было где-то наблюдаться, где-то рожать. Жизнь хоть и была очень трудной, но она не останавливалась – дети появлялись на свет. Других роддомов в Воронеже практически не было, они не работали, были закрыты.

Когда я еще совсем девочкой пришла в роддом на работу, то сразу поняла, как мне фантастически повезло – с каким мощным коллективом мне предстоит работать. Особенно когда главным врачом стала Нина Захаровна Строкова – фронтовичка, красавица, несгибаемая женщина. Несмотря на тяжкую послевоенную жизнь, она всегда прекрасно выглядела, одевалась с большим вкусом, всегда носила туфли на каблучках, в общем – была на высоте. Профессионалом она была экстра-класса! Почти сразу меня выбрали партсекретарем роддома, поэтому я принимала в его жизни гораздо более активное участие, чем просто врач-рентгенолог.

Нина Захаровна Строкова

Надежда и Спасение

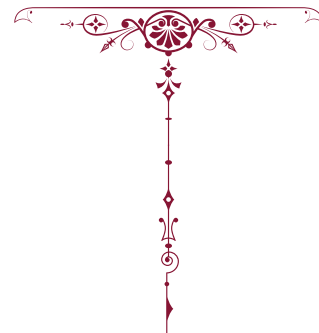
Сотрудники роддома № 4

Во многих лечебных учреждениях (и сейчас это тоже не редкость) практики не очень дружат с учеными, представителями кафедр, которые там располагаются. У нас же, благодаря выдающемуся человеку, профессору Покровскому, было совсем не так. Не время было делить заслуги, не время было для личных амбиций, все старались помочь друг другу. Приходили на выручку в одну секунду. Коллектив был очень сплоченный, если случалась проблема с какой-то роженицей, на помощь бросались все – ученые, практики, не важно. Между ними не было границ – надо было действовать всем сообща – спасать женщин, помогать им рожать, приводить в разрушенный, но обновляющийся послевоенный мир новых маленьких людей. Потом уже я читала о том, что Дом Вигеля считали несчастливой для его хозяев – там умирали их любимые, и дом как будто нес на себе какую-то мрачную печать. В наше время ничего этого не было. Если бы меня спросили, я бы ответила, не задумываясь – там царило такое счастье, какого хотелось бы пожелать любому! Это было счастье от того, что мы помогали Родине, помогали женщинам рожать в та-

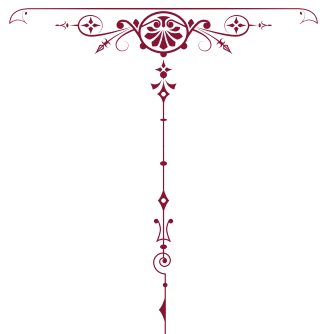
Фаина Зиновьевна Блинчевская – заведующая рентген-кабинетом роддома № 4

кое страшное послевоенное время, счастье от того единения и энтузиазма, который владел всеми нами. Доценты, ассистенты и врачи работали вместе, вместе оперировали и лечили гинекологических больных, учились, повышали квалификацию. Отдыхали тоже все вместе, у нас была отличная самодеятельность – хор, декламаторы, солисты, танцевальный ансамбль. Для взрослых и детей мы устраивали встречи Нового года, ставили маленькие спектакли, шили к ним костюмы. Это было очень счастливое время. И для Дома Вигеля, и для всех, кто в нем работал. Думаю, и для рожениц тоже».

Долгие годы 4-й роддом оставался лучшим в городе, туда хотели попасть, там были отличные специалисты. Почему же в 1988 году было принято решение о его закрытии? Для Фаины Зиновьевны и сейчас этот вопрос болезненный.

«С тех пор как Дом Вигеля отреставрировали после войны, все-ррез к нему никто не прикасался, – вспоминает она с грустью. – У нас была своя маленькая бригада мастеров, которую мы всегда привлекали, если где-то отвалилась плитка или штукатурка. К этой работе присоединялись все, кто был свободен в конкретный момент из медицинского персонала. Капитальный ремонт такой маленькой бригаде был, конечно, не под силу. Да и не должны медики заниматься такими вопросами – для этого нужны специалисты и средства, которых у нас не было и не могло быть. Со временем роддом начал ветшать, и это было неизбежно, нельзя постоянно эксплуатировать здание, не ремонтируя его основательно. Особенно если речь идет о роддоме. Разумеется, у нас стали чаще заболевать новорожденные детки – появлялись инфекции, это не могло не настораживать. За такое небрежное отношение к зданию мы же еще и получили “по шапке”! Тогдашний первый секретарь горкома партии, который должен был сам вообще-то заботиться о таких вещах, сделал всему коллективу разнос и грозно возвестил о закрытии роддома в связи с его неудовлетворительным санитарным состоянием. Роддом, имеющий такую богатую историю, был закрыт, но лично мне не верилось, что история Дома Вигеля на этом закончена».

Здание, которое не используется и не служит людям, не просто ветшает, оно очень быстро разрушается. Из лишнего заботы и ухода Дома Вигеля жизнь стала утекать стремительно и, казалось, безвозвратно. Покрылись трещинами некогда великолепные стены, стали осыпаться потолки, в полах образовались угрожающие провалы. Здание постепенно стало заполняться хламом, который неизбежно возникает, когда в его стенах находит приют бродячая публика – наркоманы и бездомные. Принадлежность здания онкологической службе не давала ему никаких шансов, потому что у здравоохранения финансов на подобные траты не было, а иных заинтересованных в реставрации памятника не находилось. И изымать его у лечебного учреждения не имело никакого смысла: памятник культурного наследия федерального значения территориально продолжал бы оставаться окруженным корпусами онкологической службы. И это соседство никакому иному собственнику не было бы

интересно. А реставрировать здание только для того, чтобы не дать ему погибнуть – это не про нашу с вами реальность. Ладно бы видовое место, такое, чтобы можно было предъявить результат высоким столичным гостям, а так...

Дом Вигеля вполне могла бы ждать участь других наших исторических архитектурных памятников – когда охраняемое законом здание нельзя снести, невозможно продать и слишком дорого реставрировать. Жильцы одного такого исторического дома в центре Воронежа настолько отчаялись привлечь к себе внимание властей, что пригрозили очередной комиссии сжечь свой памятник дотла. И даже не удивились, когда услышали в ответ произнесенное неофициальным шепотом: «не вам одним такое приходит в голову...»

В Сети можно найти множество репортажей воронежских блогеров, историков, журналистов, тайком или открыто побывавших в Доме Вигеля. Самые молодые из авторов недоумевали – как можно

Состояние здания накануне реставрации

было оставить наедине с разрушающим ходом времени такую красоту? Другие, кто постарше, пытались взывать к властям – чтобы не дали погибнуть архитектурному шедевр с богатой историей. Фотографии в этих репортажах неизменно удручали. Казалось, что повернуть вспять историю уже нельзя. Что печать разрушения и тлена уже стала частью этих стен. Что им вынесен приговор, какого страшатся самые безнадежные онкологические больные. И именно принадлежность здания к онкологической службе усугубляла «диагноз». Если у государства не хватает денег на живых, то уж на мертвые, ветхие стены и подавно...

Но по иронии судьбы именно привязанность к самой депрессивной отрасли медицины и дала Дому Вигеля шанс на еще одну жизнь.

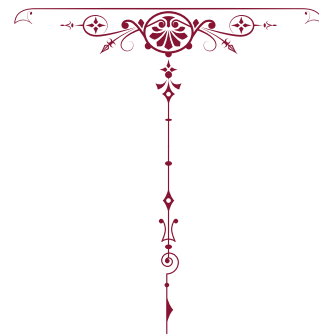
В 2010-х годах на условия, в которых находится онкологическая служба в Воронежской области, закрывать глаза было уже просто

Остатки архитектурного великолетия

нельзя. Заболеваемость раком продолжала неуклонно расти, число больных увеличивалось, и помещение поликлиники стало для пациентов воротами в ад. Тесные врачебные кабинетики, рассчитанные не на одного доктора, узкие коридоры, в которых присесть на кушетку удавалось лишь самым слабым, тем, кто совсем уже не мог стоять на ногах. Посещение поликлиники, не рассчитанной на такое количество пациентов, стало для больных людей серьезнейшим испытанием. Какой уж тут настрой на борьбу с болезнью? Какая вера в возможности медицины и силы своего организма? Преодолеть бесконечные очереди, духоту, накапливающееся раздражение и даже отчаяние – это уже было подвигом. Оставались ли у больных силы на что-нибудь еще?

Став губернатором, Алексей Гордеев, человек столичных подходов и масштабов, проблемы онкологической службы хотел решить

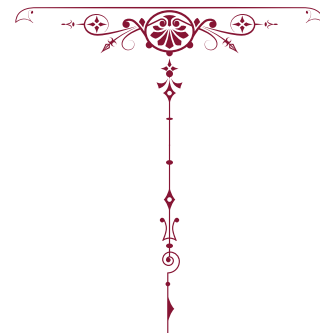

кардинально – построить в районе 9-го километра новый онкологический центр, в котором расположились бы все службы. Принципиально важным для проблемного лечебного учреждения стало и назначение нового руководителя – Ивана Мошурова, опытного хирурга, который в то время работал заместителем главврача областной больницы. Для нового онкоцентра нашли место, определили границы земельного участка, но когда дело дошло до конкретики, оказалось, что требуемая сумма по меркам нашего региона выглядит фантастично – 10 миллиардов рублей. Надежда была лишь на то, что Алексей Гордеев, умеющий находить общий язык со своими недавними коллегами в столичных структурах, обеспечит финансовую поддержку федерального центра.

Очередной удар экономического кризиса, обрушившийся на экономику в 2014 году, превратил конкретные планы масштабного строительства в зыбкую химеру, красивую, но, увы, не осуществимую мечту. Стало ясно, что федеральных денег не будет, а региональная казна с таким баснословно дорогим проектом сама не справится ни за что. Я не могла не спросить Ивана Петровича Мошурова: а не было ли момента, когда он пал духом, перестал верить в то, что какое-то преобразование вообще окажется возможным?

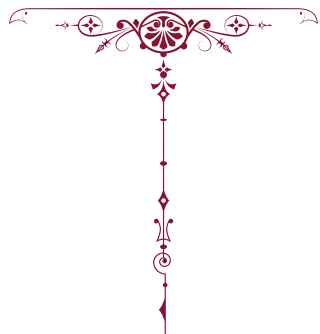
«Не было такого момента, – не раздумывая, ответил главврач, – хотя как депутат областной Думы и член бюджетного комитета я прекрасно понимал, что надо искать какое-то другое решение. В региональном бюджете денег на новый онкоцентр мы просто не найдем, не можем же мы их забрать у других объектов здравоохранения, у образования, культуры... Это нереально, да и неправильно. Значит, надо было искать другой вариант. О том, чтобы оставить все, как есть, я не думал ни одной минуты. Тем более что у такого, на первый взгляд, привлекательного и заманчивого проекта, как новостройка, были свои недостатки. Стоимость – первый из них. Ждать, когда появятся деньги, можно годы и десятилетия, а люди болеют сегодня, сейчас. Они-то как раз ждать не могут. Строительство даже в самом

лучшем случае могло растянуться на долгий период. Недавно наши курские соседи запустили новый онкологический центр, который строили 10 лет. Но десять лет – это огромный срок! Что он значит для раковых больных, я не буду говорить, это и так понятно. Пациенты, остро нуждающиеся в помощи, просто не доживут до этого “прекрасного далека”, пока мы будем мечтать о недостижимом, они будут сходить с ума в нашей тесной поликлинике, теряя там всякую надежду на то, что они кому-то нужны, на то, что государственное здравоохранение способно им помочь.

Да, на открытой местности строить легче, не надо ничего рассчитывать, сносить, но это все-таки баснословно дорого не только в плане самой постройки. Содержание новых корпусов тоже обошлось бы в копейчку. Если бы новый центр стоил 10 миллиардов, то его ежегодное содержание обходилось бы бюджету в 200 миллионов рублей. И это только коммуналка! Другой недостаток – удаленность от центра города. Я 19 лет проработал в областной больнице, представляю, как нелегко туда добираться. В этом плане старый адрес является большим преимуществом, потому что к нам приезжают из разных районов области, это надо учитывать.

Сейчас добраться к нам от вокзала – это вопрос нескольких минут. Одна остановка или 10 минут пешком. Даже если на такси, то такое расстояние стоит копейки, а 9-й километр с учетом пробок – уже совсем другая стоимость, не для всех сельских жителей это приемлемо. И еще один важный фактор. Онкология, как медицинская дисциплина, сейчас очень бурно развивается. Что будет через 10–20 лет, каких успехов она достигнет, мы еще не знаем. Пока мы бы строили тот новый онкологический центр, очень возможно, что нужда в таком дорогостоящем проекте уже отпала бы. Мы уже сейчас ориентированы на стационарозамещающие технологии, на амбулаторное лечение, на дневные стационары. Пока в онкологической практике лидирует хирургический метод, и сегодня хирургические корпуса нужны и востребованы в большом объеме площа-

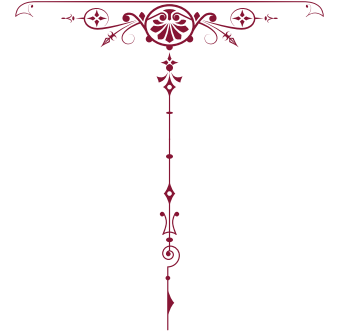

дей. Но в будущем – через 10, 15 или 20 лет – на передовые позиции в онкологии выйдет лекарственная терапия. И в таких хирургических площадях, возможно, уже не будет нужды. Технологии будут меняться, они уже меняются, причем стремительно. Активно развивается химио-, иммуно-, таргетная (точечная) терапии. Когда заканчивал институт, то есть 25 лет назад, я и представить себе не мог, что мы когда-то лапароскопически сможем удалить матку, желудок, почку и т. д. Но сейчас это реальность, этим уже никого не удивишь. Около 34 процентов операций в гинекологии мы уже делаем малоинвазивными способами.

Очевидно, что трудности возникли бы и с постройкой новых каньонов для радиологии, это тоже было бы очень дорого. Одним словом, я долго думал и пришел к выводу, что хватит мечтать, надо использовать то, что есть. И самое первое, что нужно сделать – это

Дом Вигеля до реставрации

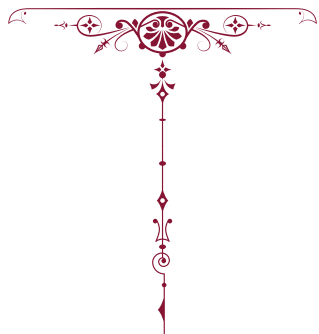

понять, эффективно ли используется имеющийся у онкологической службы территориальный потенциал».

Иван Петрович тщательно обследовал всю территорию и не переставал удивляться. По участку были раскиданы частные гаражи разных влиятельных людей, не имеющие никаких документов, которые даже в принципе не могли там находиться. Тут и там попадались островки, заваленные строительным мусором, пустыри. По участку бродили собаки, бесценные квадратные метры земли в самом центре города не использовались по назначению, как будто тут никогда никто не хозяйствовал. Он все больше изумлялся: зачем десятилетиями ждать осуществления несбыточной мечты, когда прямо тут, под ногами уже оформленная, законная территория, которую вполне можно привести в порядок? Но самое большое впечатление произвел на Ивана Мошурова Дом Вигеля.

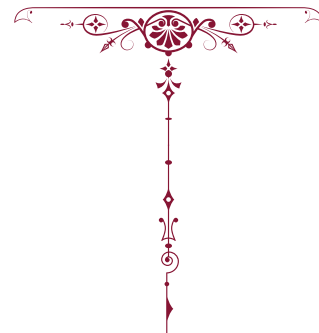
К тому времени здание находилось уже в крайне удручающем состоянии, оно давно стало похоже на призрак своей эпохи, некогда прекрасные женские лики, украшавшие фасад, выглядели как торжество скорби и забвения. Обрушенная кладка, обрамлявшая овальные окна, рассыпалась и придала им какой-то загробный вид. Ощущение кладбищенской безысходности не покидало и внутри здания: в нем еще угадывались признаки былого великолепия, но они были надежно погребены под слоями разрухи, битого камня и плитки, многолетнего хлама и свежих шприцов, валявшихся повсюду. Но дом, казавшийся призраком, еще жил, еще подавал какие-то сигналы, еще таил в себе какую-то смутную надежду на то, что кто-то придет... Кто-то даст ему еще один шанс на новую жизнь.

«Был подготовлен пакет предложений, касающихся реформирования онкологической службы, и я пошел к губернатору, – рассказывает Иван Петрович. – Мой план был прост, максимально реалистичен и включал в себя полную ревизию каждого квадратного метра, ремонт существующих хирургических корпусов (что мы сделали в первую очередь и в довольно сжатые сроки) и начало строительства двух новых каньонов (специальных помещений под новое оборудова-

ние для дистанционной лучевой терапии) на нашей же территории. Вопрос о реконструкции Дома Вигеля был одним из самых важных. Он так и просился к тому, чтобы сделать в его стенах поликлинику. Просторный, с широкими лестницами... Для наших больных это был бы просто удивительный подарок – особенно после той безумной, унижительной толчеи и давки, которую они испытывали в старых стенах. Но на реставрацию тоже нужно были деньги, и немалые».

Поликлиника для любого онкологического больного – это начало борьбы. Путь пациентам предстоит долгий и очень трудный. Многим кажется, что они преследуют движущуюся цель, что счастливый исход – это химера, потому что не столь уж давно рак считался почти что синонимом смерти. От рака умирают и сейчас. И у многих из нас его жертвами становятся знакомые, коллеги, родственники, друзья. И человек, которому поставлен такой диагноз, сразу вспоминает всех, кто на его памяти умер от страшной болезни. Даже если пациенту диагностирована первая стадия заболевания, когда есть огромные шансы на успех, он все равно неизбежно вспомнит знакомого, который умер от рака, даже если у этого знакомого болезнь была обнаружена на последней стадии и он был неизлечим. Так уж устроен человек, ничего с этим не сделаешь. Рак, помимо всего прочего, – это огромный стресс для организма и психики, и от того, сможет ли человек справиться с этим стрессом, не подпустить к себе губительную в таких случаях депрессию, зависит очень многое. Но ни один больной, вынужденный задышаться в бесконечных очередях, запертый в тесных коридорах морально устаревшей поликлиники, ни за что не поверит в то, что онкология – это реально продвигающаяся, стремительно развивающаяся отрасль медицины. В коридоре поликлиники он попросту не видит этому подтверждения! Он не верит! Поэтому мысль о Доме Вигеля, о том, как можно вновь поставить его на службу человеку, как восстановить его былую красоту и заставить ее служить людям, острее многих других нуждающимся в помощи, не давала Мошурову покоя.

Вопрос денег – это было еще не все. Не менее сложным оказалось найти строительную организацию, которая смогла бы взяться за реализацию такого проекта. Реставрировать старинные здания отнюдь не то же самое, что строить типовые жилые коробки, тут нужны особые умения, навыки и опыт.

«Я обращался ко многим строителям – солидным, могучим, хорошо известным в городе. Думал, уж им-то по плечу будет такой проект, – вспоминает Иван Петрович, – но, к моему величайшему удивлению и разочарованию, никто не соглашался. Сумму мне называли опять же фантастическую – один миллиард рублей. Но даже и за эти деньги (а их не было, и найти их в таком объеме не представлялось возможным!) энтузиасты в очередь не стояли. Реставрация архитектурного памятника – это не просто стройка, это, можно сказать, ювелирная работа. Никто не хотел брать на себя ответственность за объект, на который потом будут устремлены все взгляды. А может, просто не все и умеют этого делать?»

А между тем здание это накрепко засело у меня в голове, я обложился литературой, стал изучать историю Дома Вигеля. И чем более вчитывался, тем яснее понимал: нельзя дать этому зданию погибнуть. Голова у меня взрывалась: миллиард – неподъемная сумма, да и за эти деньги все равно специалистов, готовых взяться на реставрацию, нет. А Дом Вигеля, в моем понимании, должен быть ключевым объектом в нашем обновленном диспансере. Я уже хорошо представлял себе все это: когда все рядом и все удобно для пациентов – новая поликлиника, радиология, новые хирургические корпуса, которые могли бы разместиться на пустующих, захламленных землях... Все компактно и комфортно для больных. Но как решить вопрос с Домом Вигеля?

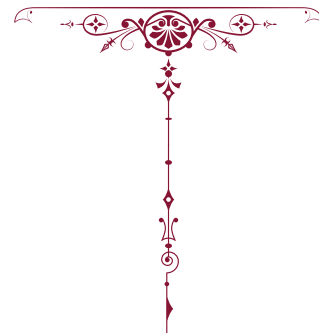
И тут приезжает ко мне один очень хороший человек, строитель, глава компании “Экспресс” Геннадий Васильевич Мешков, ему была нужна консультация. Мы говорили, сидели в моем кабинете, пили чай, я что-то рассказывал о своих планах... О том, что бы его

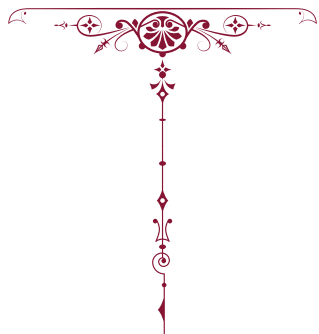
“склеить” даже не думал – уж столько опросил, везде получил отказ. И вдруг он меня спрашивает: “Иван Петрович, а что это у вас во дворе за здание такое замечательное стоит?” Я на своего конька сел, понятное дело, стал рассказывать про историю дома. Я к тому времени уже очень тщательно, в подробностях ее изучил. И вдруг он мне говорит: “А давайте откроем его. Посмотрим, что там внутри”. Пошли, открыли. Геннадий Васильевич долго ходил, ко всему притрагивался, все руками щупал, приговаривал что-то вполголоса. А потом заключил: “Ну что ж, можно сделать этот дом. Но я вам так скажу – доживает он свои последние месяцы, еще чуть-чуть, и вмешиваться сюда уже будет бесполезно”. Ну, думаю, сейчас назовет совсем неподъемную сумму... А Геннадий Васильевич продолжает: “Конечно, и проект, и экспертиза, это все будет дорого. Чтобы не упускать время, я пока что начну за свои деньги”. Я ушам своим не поверил, переспросил: “А сумма какая будет – миллиард?” Он покачал головой: “Думаю, меньше чем в половину этой цены уложимся”.

Оказалось, у Мешкова есть и опыт реставрации исторических зданий, и соответствующие лицензии, допуски – все необходимое по закону. Я просто не мог поверить в то, что мне так несказанно повезло. Одного я не мог понять – что ему за интерес вкладывать свои деньги на этом трудном первом этапе? Почему он не старается заложить максимально выгодную для себя смету? Бизнесмены обычно так себя не ведут. Однажды я все-таки решился его спросить. И Геннадий Васильевич рассказал, что не так давно потерял любимую дочь, студентку медицинского вуза. И что приложить руку к восстановлению памятника он хочет в ее честь. В память о ней. Это был серьезный мотив, и больше я его уже ни о чем не спрашивал».

«Я много раз видел этот дом, как всякий воронежец, и всегда удивлялся – такое прекрасное здание и никому не нужно, стоит себе, разваливается у всех на глазах... – рассказывает Геннадий Васильевич Мешков. – Я на стройке с 69-го года, прошел весь путь, я просто не могу равнодушно смотреть на такие вещи. И когда я выразил свой

интерес, и Иван Петрович повел меня показывать эти исторические руины, у меня просто волосы встали дыбом. Даже не от того, что здание постепенно превращается в пыль, а от следов, которые оставили там какие-то неведомые „реставраторы“. То, что там были тонны хлама и мусора – ерунда, но то, что к этим стенам прикоснулись руки каких-то вандалов (не знаю, как их по-другому назвать), было вопиюще. Кто это были такие, откуда взялись – история умалчивает. Мы пытались потом выяснить это, но так и не смогли. Однако следы их пребывания в историческом здании были налицо: я увидел тяжные балки, демонтированную вентиляцию, выбитые двери и перегородки. Были грубо разворочены стены, которые стояли 200 лет, была нарушена кровля. Я уже не говорю о сводах, в которых были пробиты дыры под вентиляцию. Все это делалось грубо, непрофессионально, явно людьми, которые ничего подобного делать не умеют и которых даже близко подпускать к таким бесценным объектам нельзя. Даже проводку сняли, видимо под сдачу вторсырья. На все это страшно было смотреть. В тот момент я принял окончательное решение: пока не поздно, дом надо спасать.

Нас ждало множество препятствий: многие высокие должностные лица не поддерживали этот проект и даже активно мешали ему претворяться в жизнь. Моя компания не получала деньги ни за проекты, ни за экспертизы, которые мне пришлось проводить за свои средства. Но это еще полбеды – я был готов к тому, чтобы вложить свои собственные финансы. Меня часто спрашивали с удивлением: почему я, бизнесмен, выбрал такую модель поведения в данном случае? Цель любого бизнесмена – это зарабатывание денег, и никто, признаться, не верил мне, что я делаю что-то из неких иных устремлений. Не всем я считал нужным отвечать, но сейчас скажу. Деньги – это не все в нашей жизни. Не дай Бог кому-то лично столкнуться с проблемой онкологического заболевания. Особенно когда лечебное учреждение находится в таком состоянии, как наша старая поликлиника. Попадая туда в первый раз, люди думают, что пришли умирать. А нужно, чтобы они приходили с надеждой на жизнь. И эта цель оправдывает любые вложения».

А дальше пошла серьезная работа по проектированию. Дотошные, скрупулезные экспертизы, в том числе и федеральная. Это было не просто. Но главное, что цель перестала вести себя как линия горизонта – удаляться по мере приближения к ней. «Геннадий Васильевич прислал своих специалистов, – рассказывает Иван Петрович Мошуров, – они обследовали каждый сантиметр, поставили какие-то маячки, замеряли каждую трещину, все вместе они пришли к выводу, что если бы здание простояло еще года три-четыре, ни о какой реставрации можно было бы уже не помышлять. То есть это последний шанс, а что такое последний шанс, никто лучше медика не понимает».

У проекта действительно были и противники, в том числе в областном правительстве, некоторые из них, впрочем, там уже не работают. Сильная государственная онкологическая служба неизбежно усилит конкуренцию в этой сфере, усложнит работу непомерно дорогого частного сектора, а именно за его поддержку высказыва-

лись многие влиятельные чиновники. А в частные структуры были уже вложены огромные деньги, и палки в колеса проекта Ивана Мошурова вставляли неоднократно – кто как мог, по мере собственных сил и возможностей. Проекту нужно было выдержать серьезное испытание экспертизой. К памятнику федерального значения было особое внимание, придаться могли к любой запятой. Но неожиданно Иван Петрович Мошуров нашел союзника именно в том человеке, который мог бы заблокировать проект реставрации на корню.

Надежда и Спасение

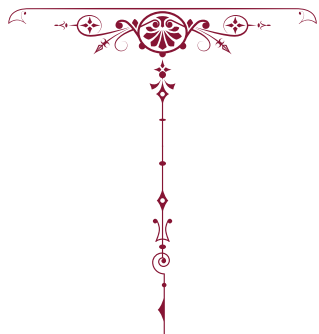

Губернатор А. В. Гордеев во время презентации проекта реконструкции Дома Вигеля. 3 сентября 2015 года

Возрожденный Дом Вигеля глазами архитекторов (план реставрации)

В тот период руководителем областного управления по охране объектов культурного наследия был Николай Иванович Петрищев, человек очень принципиальный, скрупулезный, педантичный и даже въедливый, каким ему и положено было быть по должности. Казалось бы, он и должен был создать Ивану Петровичу и исполнителям проекта основную массу сложностей, возможно даже непреодолимых.

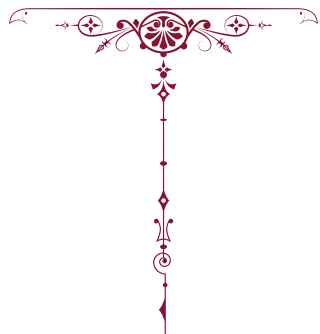
Но везение на людей и тут не подвело Ивана Мошурова – Николай Петрищев стал надежным союзником проекта по реставрации Дома Вигеля. «Наши памятники архитектуры, – вспоминает Николай Иванович Петрищев, – делятся на три основные категории: те, которые уже находятся в частных руках, те, которые остались в собственности различных уровней государственной власти, и те, которые принадлежат РПЦ. Частники чаще всего совершенно не заинтересованы в реставрации и возрождении памятников архитектуры, потому что они не вписываются в их сегодняшние концепции. У муниципалитетов чаще всего просто нет денег на реконструкцию того, что находится на их территориях, часто это же относится и к более высоким уровням государственных органов. И РПЦ, при всем моем уважении, часто рассчитывает на финансовую помощь извне, но редко вкладывает собственные средства. Есть государственная стратегия на 2020–2035 годы, ее дублируют стратегии региональные, в которых сохранение исторических памятников стоит то ли третьим, то ли четвертым пунктом, но в реальности эта проблема одна из последних, потому что всегда находятся задачи более насущные, связанные с текущим положением в экономике и социальной сфере. Так что я тогда хорошо понимал, что если Дом Вигеля не будет возрожден сейчас, то этого не произойдет уже никогда, потому что здание явно доживало свои последние месяцы, в лучшем случае годы».

Почему раньше никто не проявлял интерес к такому прекрасному объекту, Николай Иванович и сам не может понять, наверное, вопрос всегда упирался в деньги. Однако он припомнил, что в конце 1990-х некий проект реставрации существовал и был он изготовлен, скорее всего, на федеральные деньги, ибо следов местных финансовых вли-

ваний найти не удалось. Какой организации принадлежит авторство, выяснить не удалось, но ее корни тянутся, по мнению Николая Петрищева, куда-то в советскую эпоху. С тех пор Домом Вигеля никто не интересовался и судьба его уже была практически предreshена.

«Сложность представляло то обстоятельство, что вокруг исторических архитектурных памятников федерального значения закон предписывает сохранять определенную зону, на которой ничего нельзя строить, – продолжает Николай Иванович. – В данном случае это решало судьбу Дома Вигеля в самом печальном ключе. Если онкологический центр все-таки стали бы строить в другом месте, то смысл в восстановлении памятника для онкологической службы полностью отпадал бы. Не может же быть поликлиника удалена от всех прочих корпусов. Значит, нужно было окончательно определиться с проектом строительства новых хирургических корпусов на нынешней территории онкодиспансера, снять розовые очки и перестать мечтать о несбыточном. На этом этапе Ивана Петровича Мошурова ждало большое сопротивление – некоторые чиновники не допускали даже мысли о строительстве корпусов на нынешней территории. Он, конечно, человек очень упорный, никогда не бросает на полпути начатое, но я видел, что даже у него иногда были моменты отчаяния, хотя он быстро побеждал их в себе. Пережив очеред-

ную неприятную минуту, Мошуров продолжал работу. Мы убедили столичных специалистов в том, что проект расположения новых корпусов онкодиспансера и реставрация Дома Вигеля – это две части одного целого, они все внимательнейшим образом обследовали и с нами согласились. Зоны запрета на строительство были сняты. Только в 2018 году это стало окончательно задокументировано и реализация проекта стала возможной».

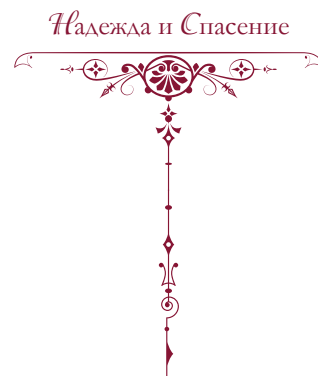
Когда пришло время отстаивать проект перед высшей областной властью, Алексей Васильевич Гордеев уже был призван в столицу, а Александру Викторовичу Гусеву только предстояло подробно вникнуть в проблемы воронежской онкологии.

«Александр Викторович организовал выездное совещание на нашей территории, – вспоминает Иван Мошуров. – Тут были его заместители, строители, и этот выезд был не просто формальностью, нужно было очень постараться, чтобы отстоять свою точку зрения –

*Ход реставрационных работ контролировал губернатор
Воронежской области А. В. Гусев*

*Главный онколог Минздрава России,
академик РАН
Андрей Дмитриевич Каприн*

проект поддерживали не все. И противники были весьма влиятельные. Александр Викторович выслушал всех, а потом сказал: “Мы здесь собрались не для того, чтобы найти причину, по которой объект восстанавливать не надо. Мы собрались для того, чтобы найти самый эффективный и быстрый способ его реализовать. Всем все понятно?” В этот момент все мои сомнения рассеялись окончательно. Я поверил губернатору раз и навсегда. Понял, что это человек слова и пути назад уже не будет. И даже по части расположения хирургических корпусов наши мысли идеально совпали. Александр Викторович оглядел пустующие территории и сказал: “Вот тут и будет новая хирургия”. Поддержку нам оказала и Галина Карелова, заместитель председателя Совета Федерации, и я ей тоже очень благодарен за то, что ее не пришлось убеждать, что она быстро схватила суть проблемы и поняла ее значимость для нашего региона. Неоднократно в Воронеж приезжал главный онколог Минздрава России, академик РАН Андрей Каприн, который поддержал идею восстановления Дома Вигеля под поликлинику онкодиспансера. Теперь можно было спокойно работать».

Во время реконструкции здание периодически посещала супруга губернатора Валентина Александровна Гусева, которая была неравнодушна к судьбе онкологических больных и давала ценные советы.

*Супруга губернатора Воронежской области Валентина Александровна Гусева
была одним из инициаторов идеи превращения Дома Вигеля в современную поликлинику*

*Обсуждение планов и перспектив воронежского онкологического здравоохранения
с губернатором Воронежской области А. В. Гусевым*

Сотрудники Воронежского онкодиспансера на субботнике по расчистке территории будущего здания поликлиники

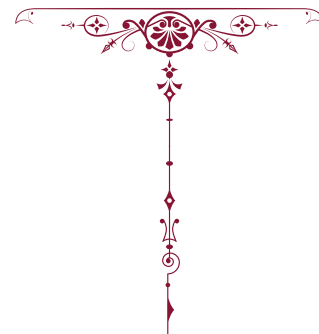
Расчистить исторический памятник от накопившегося за долгие годахлама было нелегким делом – чтобы вывезти мусор, потребовалось более 500 ходок груженных под завязку КамАЗов. Геннадий Мешков, как и обещал, не стал дожидаться государственного финансирования и, чтобы не терять время, начал разгребать авгиевы конюшни на свои деньги. Когда площади были расчищены, на объекте одновременно работало уже 70–80 человек, и когда открылось бюджетное финансирование, началась самая приятная и самая тонкая часть работы – сделать дом не просто похожим, а таким же, каким он когда-то был.

Зимой 2019-го будущая поликлиника начала приобретать приятные взору очертания. Иван Петрович Мошуров показывал мне будущее лечучреждение и сам преображался, чуть не светился от радостного предчувствия. Рассказывал, какие лестницы и плитки удалось сохранить в неприкосновенности и как было решено сделать двери и окна такими же, какими они были в прошлые века – деревянными, без всякого там дешевого пластика. Где будут стоять пальмы в кадках и диваны, чтобы больные могли передохнуть между приемами или процедурами.

Дом Вигеля в строительных лесах

Отдельная тема – это женские лики, которые украшали и украшают фасад здания. Иван Петрович нашел мастеров, которые смогли создать их точнейшие копии.

«На человека, которому поставлен тяжкий диагноз, уже давит груз болезни, его силы не должны уходить на преодоление неудобств, тесноты, дискомфорта, связанного с посещением поликлиники, – убежден Иван Петрович. – Он должен с первых же моментов понимать, что о нем позаботятся, что ему будет оказана помощь. Он должен быть спокоен и настроен на лучшее».

Для Ивана Петровича Мошурова работа над проектом стала, по его признанию, еще и прикосновением к истории родного города. «Возвратить к жизни прекрасное здание, бесценное само по себе, где люди жили, страдали, любили, – это все равно, что спасти тяжелого больного, который находится на грани между небом и землей. И очень важно, что это будет даже не одна спасенная человеческая жизнь, это здание послужит десяткам, сотням, тысячам людей, на долю которых выпало серьезное испытание».

Такова история великолепного здания, памятника воронежской истории, которому не дали сгинуть в руинах усилия нескольких энтузиастов, равнодушных людей, по-настоящему любящих каждый свое дело и обладающих одним общим качеством – состраданием к тем, кто нуждается в помощи.

Любовь к людям, к больным, которые остро нуждаются в поддержке, дала архитектурному памятнику какую уже по счету жизнь. Нет никаких оснований считать этот дом несчастливый – его огромное счастье в его призвании, в тех людях, которые в разное время соприкоснулись с его судьбой, благодаря которым дом сохранился и будет служить еще долгие годы.

История Дома Вигеля продолжается...

Алла Холденко

Ради жизни Людей

Поликлиника Воронежского онкодиспансера
в стенах легендарного дома

В XXI веке медицина оказалась на острие самых востребованных и передовых новаций мировой цивилизации. Открытия в сфере новых медицинских технологий призваны избавить общество от многих болезней и существенно увеличить продолжительность жизни человека. Это и связанная с расшифровкой генома «революция лекарств», которая позволит замедлить старение, и «выращивание» органов, и «виртуальные консилиумы», и даже «дистанционные операции» с использованием роботов...

Не ошибусь, если скажу, что едва ли не самые большие надежды, которые общество возлагает на врачей и ученых-медиков, связаны с желанием обуздать рак. Это во всех смыслах выстраданное желание, ведь за последние годы мы фиксируем устойчивый рост заболеваемости злокачественными новообразованиями. Правда, нам удается сохранять жизнь всё большему и большему количеству пациентов, пораженных столь коварным недугом. И происходит это благодаря достижениям современной отечественной медицины.

Сегодня рак – уже не приговор, а диагноз. Появившиеся в последние годы новые лекарственные препараты, в том числе и таргетные, увеличивают эффективность лечения. К тому же за последние годы в онкологии значительно возросли объемы и сложность диагностических процедур на этапах обследования и лечения онкологических пациентов. С помощью новых ультразвуковых и рентгеновских аппаратов, а также компьютерного томографа

стала возможна морфологическая верификация мелких и трудно-доступных образований.

Но чтобы заставить все эти достижения современной медицины работать на благо человека, нужны дополнительные площади, которых воронежским онкологам до недавнего времени просто катастрофически не хватало. Особенно остро данная проблема ощущалась пациентами и врачами поликлиники.

Тогда и родился проект реконструкции знаменитого для многих поколений горожан Дома Вигеля. О том, как это происходило, равно как и об истории легендарного здания, говорилось в предыдущих главах данной книги. Моя задача – рассказать о том, как мемориальный дом возвращался к своей активной роли в нашем городе не только как спасенный от гибели уникальный историко-культурный объект, но и как медицинское учреждение, располагающее самыми современными возможностями.

Куратором проекта была сенатор от Воронежской области, заместитель председателя Совета Федерации Галина Карелова.

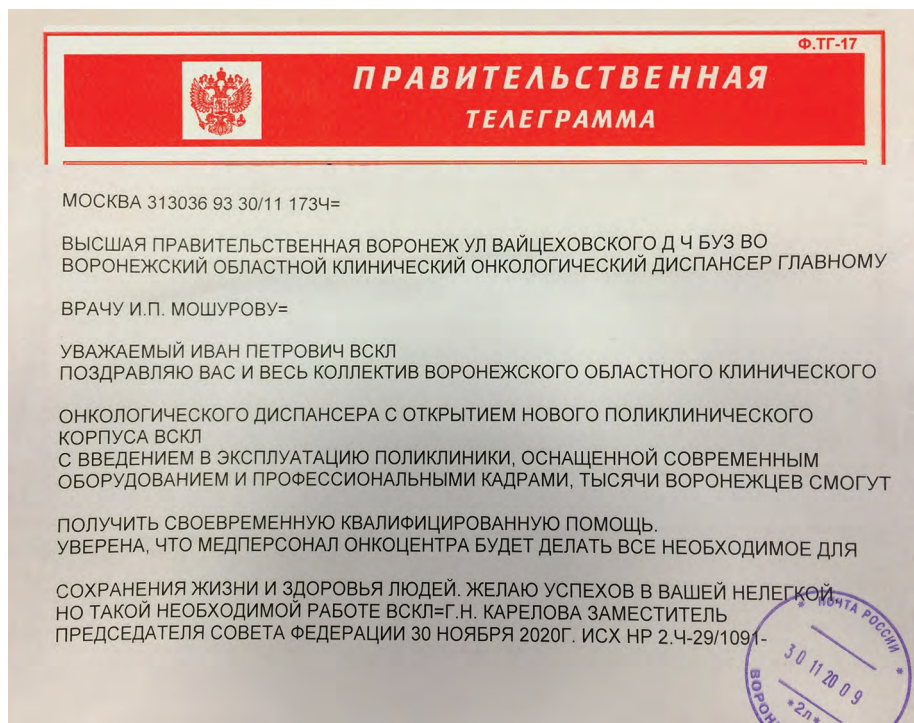
Галина Николаевна Карелова

Обсуждение вопросов реконструкции. И.П. Мошуров, А.В. Щужин, Г.Н. Карелова

Работу онкодиспансера, его усилия по реконструкции Дома Ви-геля Г. Н. Карелова оценила очень высоко: «Воронежский областной клинический онкологический диспансер является одним из ведущих учреждений здравоохранения в Российской Федерации, оказывающих специализированную, в том числе высокотехнологичную, медицинскую помощь пациентам со злокачественными новообразованиями. Показатели деятельности онкологической службы региона превосходят средние по России и имеют положительную тенденцию.

Увеличение числа онкологических пациентов обусловлено достижениями современной отечественной медицины, выявлением злокачественных новообразований на более ранних стадиях забо-

*Правительственная телеграмма заместителя председателя
Совета Федерации РФ Г. Н. Кареловой*

ления, увеличением продолжительности жизни онкологических больных в связи с внедрением новых высокотехнологичных методов лечения, в том числе лекарственной терапии».

Прежде всего с гордостью сообщаю, что реконструированный Дом Вигеля, ставший теперь онкологической поликлиникой, позволяет отныне принимать до 700 пациентов в день. А поскольку общая площадь здания составляет 3,5 тысячи квадратных метров, то можно представить, насколько улучшатся условия пребывания в стенах заведения нуждающихся в помощи. Наличие же лифта, пандусов, широких проемов дверей и удобное расположение диагностических и процедурных кабинетов гарантируют комфортную среду для пациентов с ограниченными возможностями.

*Встреча с губернатором Воронежской области
Александром Викторовичем Гусевым.*

*Слева направо: главный внештатный специалист-онколог
ЦФО Минздрава России, директор МРНЦ имени А. Ф. Цыба
Сергей Анатольевич Иванов;
главный внештатный специалист-онколог Минздрава России,
директор МНИОИ имени П. А. Герцена Андрей Дмитриевич Капфин;*

*главный внештатный специалист-онколог департамента
здравоохранения Воронежской области, главный врач БУЗ ВО «ВОКОД»
Иван Петрович Мошуров;
первый заместитель председателя правительства Воронежской области
Владимир Борисович Попов;
губернатор Воронежской области Александр Викторович Гусев;
руководитель департамента здравоохранения Воронежской области
Александр Васильевич Щукин*

*Митрополит Воронежский и Лискинский Сергей освящает
Воронежский онкологический диспансер*

*Фронтон возрожденного здания венчает знак милосердия — официальная эмблема
Воронежского областного клинического онкологического диспансера*

На открытии поликлиники. А. Д. Каприн и А. В. Гусев

Губернатор Воронежской области А. В. Гусев и главный врач БУЗ ВО «ВОКОД» И. П. Мошуров поднимаются по знаменитой лестнице возрожденного Дома Вигеля

*На открытии поликлиники. За кафедрой – И. П. Мошуров.
В первом ряду слева направо: А. Д. Капфин, А. В. Гусев, А. В. Щукин*

Открытие поликлиники. Гости в малом актовом зале

На открытии поликлиники. Слева направо: А. Д. Каприн, И. Э. Есауленко, А. В. Гусев, И. П. Мошуров

Врач-онколог Сергей Михайлович Поварков демонстрирует ЛОР-установку

Старый дуб, возраст которого насчитывает более 150 лет, — свидетель истории Дома Вигеля

Центральный вход в поликлинику

Видеоконференцию со специалистами МНИОИ имени П. А. Герцена проводит А. Д. Капрын

Большой зал поликлиники. Сотрудники ВОКОД во время видеоконференции

*Видеоконсультация со специалистами МНИОИ имени П. А. Герцена
воронежских онкологов Марии Борисовны Кузнецовской,
Дмитрия Михайловича Литовкина и Светланы Анатольевны Черкасовой*

*Главный врач БУЗ ВО «ВОКОД» Иван Петрович Мошуров
и заместитель главного врача по поликлинике Нина Владимировна Урлапова*

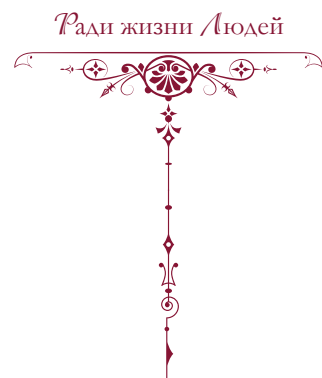

Большой актовый зал поликлиники. Галерея ведущих онкологов мира

Малый актовый зал поликлиники

Историческая лестница Дома Вигеля

Вход в поликлинику со стороны улицы Вайцеховского

*Планёрка у заместителя главного врача БУЗ ВО «ВОКОД» по поликлинике
Нины Владимировны Урлаповой*

*Заседание врачебной комиссии проводит заместитель главного врача
БУЗ ВО «ВОКОД» по клиничко-экспертной работе Илья Николаевич Черкашин*

*Заместитель главного врача по медицинской части,
д-р мед. наук, профессор Эдуард Владимирович Савенко,
главный врач БУЗ ВО «ВОКОД» Иван Петрович Мошуров,
д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой онкологии с лучевой терапией
и диагностикой ВГМУ им. Н.Н. Бурденко Александр Николаевич Редькин*

*Старшая медицинская сестра поликлиники Нина Ивановна Панина, старшая
медицинская сестра онкологического отделения № 3 Елена Александровна Ачкасова*

Медицинский регистратор Алла Николаевна Шишкина

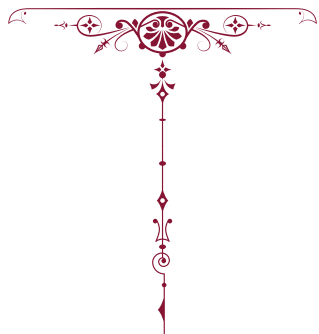

Электронная регистрация

Урологический блок. Ожидание приёма врача

Максимум удобств теперь сопровождает и работу медиков: в поликлинике появились современное оборудование, новая мебель, произошла полная компьютеризация рабочих мест, были созданы электронная регистратура и call-центр. В структуру нового заведения вошли общеполиклинические помещения, административные кабинеты, два конференц-зала, клиничко-экспертный отдел, три онкологических консультативно-диагностических отделения, дневной хирургический стационар, отделение ультразвуковой диагностики, отделение для лечения доброкачественных опухолей.

На первом этаже поликлиники расположились картохранилище, гардероб, кабинет выписки больничных листов, кабинет приема пациентов с ограниченными возможностями и регистратура. Последняя состоит из двух отделов: для первичных пациентов и повторных – тех, кто уже проходил лечение. Прежде чем обратиться в регистратуру, пациент получает талон в инфомате. Всего в поликлинике установили 14 инфоматов, с помощью которых можно также посмотреть расписание врачей и оценить их работу.

Рядом находится кабинет врача-терапевта, кабинеты функциональной диагностики (ЭКГ, спирография, эхокардиография), кабинет ультразвуковой диагностики. Для тяжелобольных пациентов предусмотрен отдельный вход.

В блоке Б на первом этаже поликлиники разместилось онкологическое отделение № 2, оказывающее специализированную помощь пациентам пульмонологического, абдоминального, проктологического, гинекологического профиля, а также пациентам с новообразованиями кожи, мягких тканей, костной системы, головного мозга. Дополнительный кабинет пульмонологического приема способствует снижению загруженности лечащих врачей и улучшает условия проведения лечебно-консультативных комиссий.

Просторные холлы, которыми когда-то не без основания гордились чопорные хозяева этого дома, теперь позволяют сделать максимально доступным оказание консультативной онкологической помощи. Также за счет дополнительных площадей в каждом кабинете гинекологического приема появилась собственная смотровая, оборудованная современными видеокольпоскопами, позволяющими на ранних стадиях выявлять заболевания шейки матки и вести динамическое наблюдение за пациентками, создавая архив видеокольпоскопических снимков.

Но и это еще не всё. В структуре отделения впервые организована работа манипуляционной, где проводятся криодеструкции, электрокоагуляции, лазерные деструкции, взятие соскобов, биопсий и пункций.

Онкологическое отделение № 3. Манипуляционная

Кабинет малоинвазивных вмешательств под УЗИ-контролем

*Консультация заведующего отделением № 2 Александра Ивановича Казьмина,
врача-онколога Тимура Рустамовича Джураева*

*Проведение пункционной биопсии под контролем УЗИ.
Врач-онколог Иван Сергеевич Круглов,
старшая медицинская сестра Марина Владимировна Косых,
медицинская сестра Варвара Васильевна Васильева*

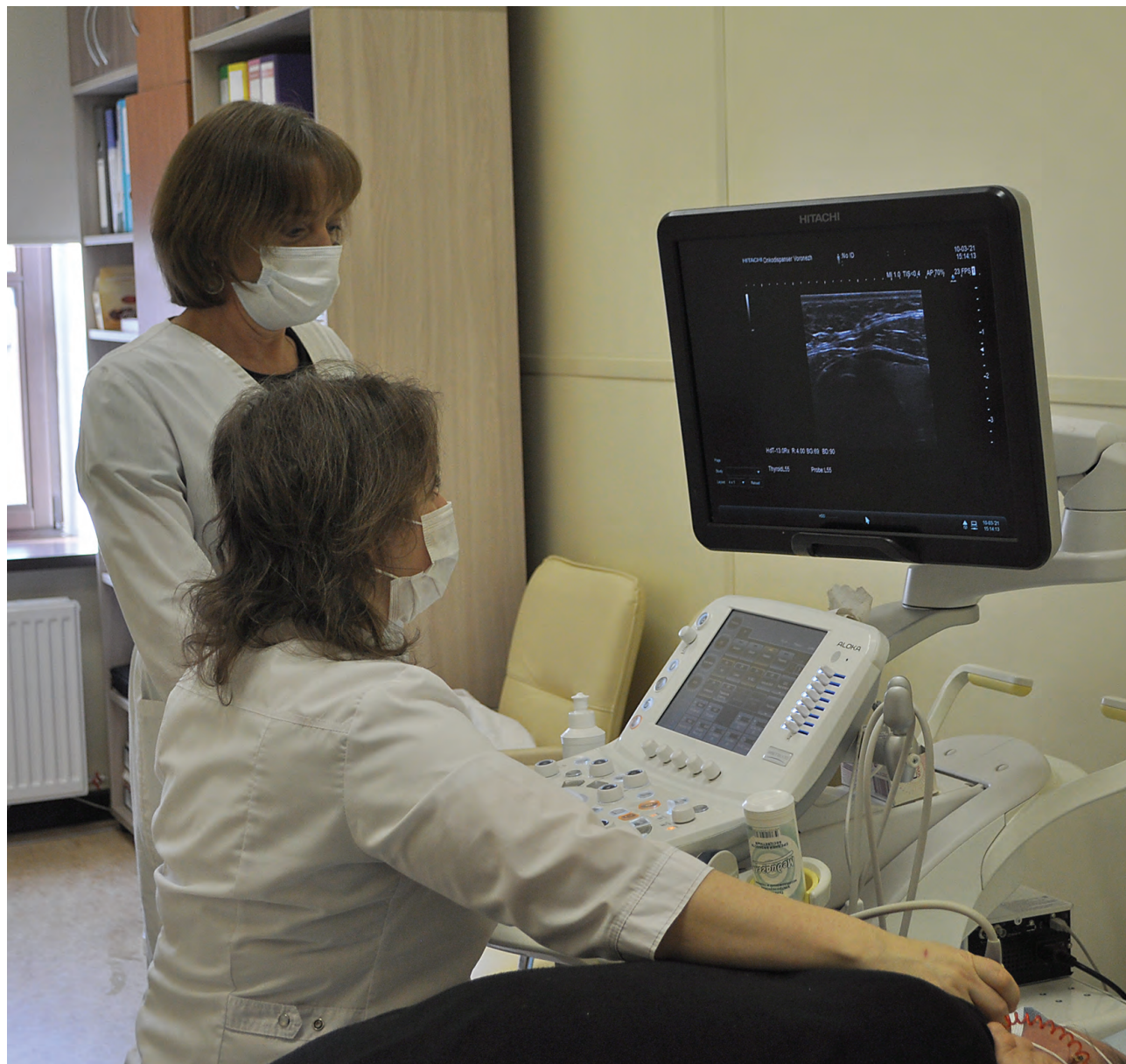
*На приёме в кабинете патологии головы и шеи.
Врач-онколог Светлана Анатольевна Черкасова,
медицинская сестра Зинаида Михайловна Шамарина*

*Консультация заведующего онкологическим отделением № 1
Андрея Брониславовича Здобникова*

*Консультация пациента.
Заведующий онкологическим отделением № 3 Андрей Валентинович Маланчук,
врач-онколог Дмитрий Михайлович Литовкин*

*УЗИ-исследование на аппарате экспертного класса
проводят заведующий отделением УЗД Вера Александровна Коростелёва
и старшая медицинская сестра Марина Владимировна Косых*

Сеанс фотодинамической терапии. Врач Александра Вячеславовна Казакова

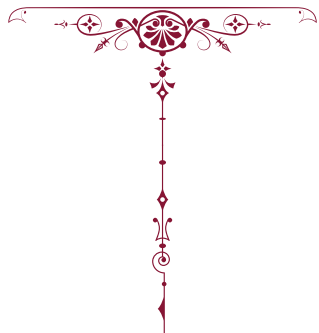
В новом здании поликлиники открыт отдельный кабинет для фотодинамической терапии (ФДТ). Организация работы кабинета ФДТ позволяет не только увеличить число проводимых сеансов терапии при злокачественных новообразованиях кожи, но также внедрить данный метод для лечения других онкологических заболеваний. Внедрено использование ФДТ при предраковых заболеваниях шейки матки и вульвы, в том числе ассоциированных с вирусом папилломы человека (ВПЧ), так как данная методика не только позволяет избежать хирургического вмешательства у нерожавших женщин, но и приводит к элиминации ВПЧ. Такой метод лечения также хорошо зарекомендовал себя при терапии поверхностных форм рака мочевого пузыря, помогая избежать оперативного вмешательства (ТУР).

*Главный врач областного клинического онкологического диспансера Иван Петрович Мошуров,
заместитель Председателя Совета Федерации Галина Николаевна Карелова,
губернатор Воронежской области Александр Викторович Гусев,
заместитель Председателя Государственной Думы Алексей Васильевич Гордеев*

Осмотр поликлиники онкологического диспансера. 3 августа 2021 года

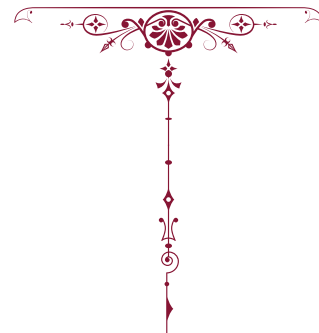
На втором этаже поликлиники, в блоке Б, размещается онкологическое отделение № 1. Здесь проводятся онкоурологический и химиотерапевтический приемы. Учитывая, что в настоящее время в диспансере отсутствует стационарное онкоурологическое отделение, вся нагрузка по обследованию пациентов с подозрением на урогенитальную патологию ложится на его амбулаторно-поликлиническое звено.

Чтобы повысить качество диагностики пациентов, страдающих указанной патологией, приобретено самое современное медицинское оборудование, в том числе новый УЗ-аппарат экспертного класса фирмы Logiq для выполнения трепанобиопсий предстательной железы под УЗ-контролем и УЗИ органов и систем, два гибких эндовидеоцистоскопа экспертного класса фирмы Pentax с возможностью записи исследования на внешний носитель. Для эффективной обработки и стерилизации эндовидеоцистоскопов была закуплена специализированная моечная машина – это позволяет продлить срок эксплуатации дорогостоящего оборудования с сохранением высокого качества исследований.

Там же, на втором этаже поликлиники, организована работа двух кабинетов приема врача-химиотерапевта. Один из них расположен вплотную с процедурным кабинетом, что позволяет проводить лечебные процедуры под непосредственным контролем врача. В процедурном кабинете размещено три современных терапевтических кресла для оказания медицинской помощи пациентам, получающим препараты в рамках льготного лекарственного обеспечения.

В блоке А второго этажа находится онкологическое отделение № 3, в состав которого вошли шесть кабинетов амбулаторного приема и дневной хирургический стационар на десять коек с операционной и перевязочной.

Появление дополнительных площадей позволило оснастить кабинеты необходимым современным диагностическим оборудованием.

ем. К примеру, в кабинет приема пациентов с патологиями головы и шеи приобретена ЛОР-установка с эндоскопическим и микроскопическим оборудованием, необходимым для проведения наиболее быстрой и детальной диагностики заболевания у пациентов, оценки распространения патологического процесса, а также динамического состояния у получивших специальное лечение.

В соседнем инструментальном кабинете установлен УЗИ-аппарат, помогающий врачам-онкологам проводить биопсии, чтобы получить биологический материал для морфологического исследования и без хирургического вмешательства удалять жидкостные доброкачественные образования. Проведение процедур под ультразвуковой визуализацией увеличивает точность, качество и безопасность врачебных манипуляций.

Новое помещение хирургического дневного стационара включает в себя две просторные палаты, по пять коек каждая. Это создаёт условия для удобного размещения пациентов и увеличения количества выполняемых хирургических вмешательств под общей анестезией. Установленное здесь оборудование предполагает использование современных методик наркоза.

Рад сообщить своим землякам, что с открытием нового корпуса поликлиники БУЗ ВО «ВОКОД» в Доме Вигеля в отделении УЗ-диагностики проводятся исследования на современных диагностических аппаратах экспертного класса Vivid E 95, что позволяет получать изображение высокой степени разрешения. Дополнительно открыты еще три кабинета приема, где созданы участки специализированных исследований (трансректальное ультразвуковое исследование, кабинет функциональной диагностики). Это избавило пациентов от необходимости поиска данных обследований в других учреждениях города.

Немаловажным является вклад отделения в наблюдение пациентов в послеоперационном периоде, а также в процесс химио- и лучевой терапий для оценки динамики проводимого лечения.

Специально приобретенные для поликлиники в Доме Вигеля переносные ультразвуковые аппараты Logis позволяют проводить исследования во время операции и оценивать распространенность патологического процесса интраоперационно. В условиях перевязочного кабинета в онкологическом отделении № 1 проводятся трепанобиопсии предстательной железы.

Высокая разрешающая способность аппаратов экспертного класса дает возможность выявлять ранние послеоперационные осложнения (гематомы, лимфореи), которые успешно могут быть купированы манипуляциями под УЗ-контролем. Это позволяет врачам онкологического отделения № 3 избегать повторных операций.

Ну и наконец, для улучшения условий труда сотрудников в новом здании поликлиники предусмотрены гардеробные, служебные помещения для младшего и среднего медицинского персонала и буфет.

И в заключение – самая главная мысль, ради чего, собственно, и появился раздел в книге, который я представляю: создание современной онкологической поликлиники в знаменитом Доме Вигеля открывает перед воронежскими медиками возможность нового, качественного лечения коварной болезни. С помощью современных технологий можно попытаться или победить ее навсегда, или значительно отсрочить ее неблагоприятные последствия для человека.

И да помогут нам в этом новые стены старого дома.

Будьте здоровы!

Иван Петрович Мошуров

*Главный врач областного клинического онкологического диспансера
Иван Петрович Мошуров в рабочем кабинете*

Благодарности

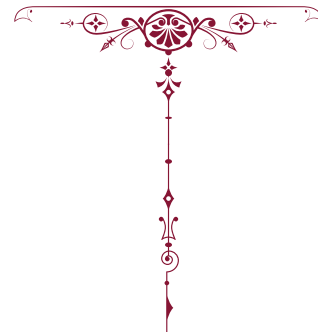
Руководство БУЗ ВО «ВОКОД» выражает искреннюю благодарность:

- **Валентине Александровне Гусевой**, супруге губернатора Воронежской области – за неоценимую помощь в разработке проекта восстановления Дома Вигеля;
- **Надежде Георгиевне Сафоновой**, руководителю департамента финансов областного правительства – за большой вклад в реализацию проекта реконструкции здания;
- **Геннадию Васильевичу Мешкову**, генеральному директору строительной компании ООО «Экспресс» – за высококачественную работу по строительству поликлинического корпуса Воронежского онкодиспансера на базе Дома Вигеля;
- **Николаю Ивановичу Петрищеву**, бывшему руководителю областного управления по охране объектов культурного наследия – за помощь в подготовке проекта по реставрации Дома Вигеля.

Особую благодарность выражаем сотрудникам онкодиспансера, принимавшим активное участие в решении различных задач по созданию новой поликлиники:

- **Нине Владимировне Урлаповой**, заместителю главного врача по поликлинике, врачу высшей категории;
- **Владимиру Ивановичу Заборовскому**, директору диспансера;
- **Дмитрию Викторовичу Седову**, заместителю главного врача по технике;
- **Брониславе Борисовне Кравец**, заместителю главного врача по организационно-методической работе, доктору медицинских наук, профессору, заслуженному врачу РФ;
- **Эдуарду Владимировичу Савенку**, заместителю главного врача по медицинской части, доктору медицинских наук, профессору;

- **Илье Николаевичу Черкашину**, заместителю главного врача по клинико-экспертной работе, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории;
- **Татьяне Митрофановне Золотых**, заместителю главного врача по сети, врачу высшей категории;
- **Андрею Анатольевичу Михайлову**, заместителю главного врача по хирургии, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории;
- **Наталье Анатольевне Знатковой**, заместителю главного врача по радиологической и химиотерапевтической помощи, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории;
- **Ларисе Константиновне Шипиловой**, начальнику отдела правовой и кадровой работы;
- **Лилии Владимировне Губаревой**, заместителю главного врача по экономическим вопросам;
- **Ольге Вячеславовне Силкиной**, главному бухгалтеру;
- **Андрею Брониславовичу Здобникову**, заведующему онкоотделением № 1, врачу высшей категории;
- **Александру Ивановичу Казьмину**, заведующему онкоотделением № 2, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории;
- **Андрею Валентиновичу Маланчуку**, заведующему онкоотделением № 3, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории;
- **Вере Александровне Коростелевой**, заведующей отделением ультразвуковой диагностики;
- **Николаю Николаевичу Сулименко**, заведующему отделением платных услуг;
- **Анатолию Андреевичу Серede**, заведующему организационно-методическим отделом, врачу высшей категории;
- **Нине Ивановне Паниной**, старшей медсестре поликлинического персонала;
- **Людмиле Юрьевне Кориш**, старшей медсестре онкоотделения № 2;
- **Марине Владимировне Косых**, старшей медсестре отделения ультразвуковой диагностики.

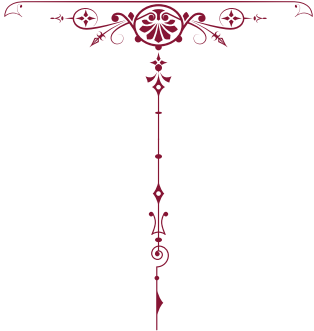

*Первый в России памятный знак,
посвященный благородному труду онкологов и радиологов*

Оглавление

Обращение к читателям губернатора Воронежской области А. В. Гусева	3
Обращение к читателям главного врача БУЗ ВО «ВОКОД» И. П. Мошурова	4
Дьяков Д. С. ГОЛОСА ПРОШЛОГО Обзор историй и преданий об одном воронежском архитектурном чуде и его обитателях	6
Холденко А. Ю. НАДЕЖДА И СПАСЕНИЕ Дом Вигеля в XX веке	44
Мошуров И. П. РАДИ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ Поликлиника Воронежского онкодиспансера в стенах легендарного дома	78
Благодарности	120

Историко-публицистическое издание

**Мошуров Иван Петрович,
Дьяков Дмитрий Станиславович,
Холденко Алла Юльевна**

**ВО ИМЯ ЖИЗНИ:
история Дома Вигеля продолжается**

Редактор-составитель Т. А. Дьякова
Литературный редактор Е. С. Котлярова
Компьютерный дизайн и верстка Е. Е. Комаровой